

Д Е Н Ъ Г И

ВЪ ОБЛАСТИ

ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.

Τὸ γὰρ νόμισμα στοιχεῖον καὶ πέρας τῆς
ἀλλαγῆς ἐστίν.

Aristotelis Politic. Lib. 1. Cap. III.

Π. Цитовича.

Х А Р Ъ К О В Ъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 7 3.

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета.

Ректоръ А. Палюбецкій.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ исторіи развитія каждой науки отъ времени до времени наступаютъ періоды такъ называемаго кризиса, — оказывается, что основныя понятія, отъ которыхъ зависитъ весь строй системы, перестаютъ вполне покрывать тотъ фактическій матеріалъ, съ которымъ имѣетъ дѣло данная наука. Нѣчто подобное происходитъ теперь, напр., съ политической экономіей, — ея «кризисъ» даже вызвалъ чуть не цѣлую «критическую» литературу¹. Если отъ подобнаго состоянія не убереглась такая сравнительно молодая наука, какъ политическая экономія, то что же страннаго, когда нѣчто подобное происходитъ (хотя не всегда высказывается съ такой откровенностью) и съ наукой гражданскаго права? Не одно понятіе, еще не давно считавшееся несокрушимымъ, оказалось если не окончательно негод-

¹ Мы напомнимъ только имена: Карла Маркса, Родбертуса, Дюринга и Рэслера. Вотъ какъ выражается послѣдній: Der Zustand der Nationalökonomie ist in der That ein trostloser geworden zwischen dieser Wissenschaft und dem Leben ein Gegensatz besteht, der zum Nachtheil der ersteren ein höchst fatales Zeugniß ablegt. . . . Kaum einer ihrer Begriffe ist anerkannt und klar gestellt» Родбертусъ радуется отъ такихъ положеній Рэслера.

нимъ, то во всякомъ случаѣ требующимъ значительной поправки. Что творится, напр., съ понятіями «обязательства», «договора», «владѣнія» и т. п., извѣстно всякому, хотя слегка слѣдующему за теоретическою литературой. И здѣсь повѣряется, что даже теоретическія понятія *nicht etwas Gegebenes, sondern etwas Werdendes sind*.

Но еще больше кризисъ замѣтенъ въ томъ, что на первый планъ *стремятся* стать такія понятія, которыя прежде были въ-загонѣ, останавливали на себѣ вниманіе только мимоходомъ, не нарочито, а лишь по поводу чего другаго. Къ числу такихъ загнанныхъ, заброшенныхъ понятій въ системѣ гражданского права относится и понятіе денегъ. Мы говоримъ «понятіе денегъ», а не понятіе «цѣнности», — это потому, что цѣнность, или, точнѣе, причины, обуславливающія цѣнность — лежатъ окончательно за предѣлами гражданского права. Въ области послѣдняго понятіе цѣнности берется готовымъ, и въ такомъ видѣ она пригодится, напр., для такихъ обобщеній, какія сдѣланы въ D. d. V. S. L. 178 и L. 222¹. До послѣдняго времени разработка вопроса о деньгахъ, не только съ экономической, но и съ юридической стороны, была ведена не столько юристами, сколько экономистами, и, напр., Гартманъ² прямо сознается, что онъ больше обязанъ послѣднимъ, чѣмъ первымъ. Строго говоря, Савиньи можетъ считаться начавшимъ юридическую теорію денегъ, какая господствуетъ те-

¹ L. 178. (Ulpianus) «Pecuniae» verbum non solum numeratam pecuniam complectitur, verum omnem omnino pecuniam, hoc est, omnia corpora: nam corpora quoque pecuniae appellatione contineri nemo est qui ambiget.

L. 222. (Hermogenianus): «Pecuniae» nomine non solum numerata pecunia, sed omnes res tam soli quam mobiles et tam corpora quam jura continentur.

² Ueber den rechtlicher Begriff des Geldes u. s. w.

перь, хотя у Савиньи были предшественники: онъ имѣлъ предъ собой не только Гуфеланда, но и другихъ. Но, добавляетъ тотъ-же Гартманъ, здѣсь замѣчается парадоксальное на первый взглядъ явленіе, — именно юристы, и между ними самъ Савиньи, наиболѣе склонны опредѣлять деньги по ихъ экономической функціи, и на-оборотъ, въ сочиненіяхъ экономистовъ можно найти наиболѣе важнѣйшія указанія для точнаго юридическаго опредѣленія. Это замѣчаніе Гартмана курьезно повѣряется относительно русской литературы: фактъ слишкомъ свѣжъ, чтобы не указать здѣсь на него. Въ ученіи о договорѣ купли-продажи возникаетъ частный вопросъ о томъ, могутъ ли *деньги* быть предметомъ этого договора? Отвѣтъ можете найти у экономиста: «мѣновая цѣнность денегъ не можетъ быть выражена въ цѣнѣ, такъ-какъ отнесеніе денегъ къ самимъ себѣ представляется абсурдомъ». Авторъ искалъ отвѣта на иной вопросъ, но отвѣчая на *свой* вопросъ, онъ разрѣшилъ и *нашъ*¹.

Какъ случился указанный сейчасъ порокъ теоріи гражданского права, понять не трудно. Подкладка пыльной теоріи — *Corpus juris civilis*, не столько какъ положительный, дѣйствующій кодексъ, а скорѣй какъ теорія, созданная римскими юристами. У нихъ мы всегда будемъ учиться (ибо у нихъ этому можно научиться больше, чѣмъ у кого другаго) умѣнь обращаться съ юридическими понятіями, приѣмамъ анализа, словомъ, методу, но ихъ понятія — не всегда и не вполнѣ наши². Для римскихъ юристовъ «отношенія по имуществу» представлялись скорѣй съ точки зрѣнія потребленія, чѣмъ съ точки зрѣнія

¹ М. М. Алексѣенко. «Государственный кредитъ. Очеркъ народнаго государственнаго долга въ Англіи и Франціи». Харьковъ. 1872. Введеніе, стр. XX.

² «Не въ томъ дѣло, будемъ ли мы примѣнять римское право или нѣтъ, а въ томъ, будемъ ли мы думать по-римски». Goldschmidt.

производства въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. и въ смыслѣ обмена. Таковъ былъ экономическій бытъ — такова и его юридическая теорія, вообще такова его *Rechtsordnung*¹. Иного рода — окружающая насъ обстановка: внѣшній *commercium* гораздо хитрей, на иной основѣ, иного содержанія, это не одно только самодовольное *uti frui* вещь. Прежде чѣмъ дойти до такого положенія, вещь больше или меньше находится въ положеніи *товара*, она не сразу достигаетъ отъ производителя до потребителя, не говоря уже о томъ, что не рѣдко ея окончательная обработка завершается лишь послѣ того, когда ею пройденъ рядъ мѣновъ актовъ, т. е. *составленныхъ и исполненныхъ* договоровъ купли-продажи. Но если такъ, тогда выходитъ, что данная вещь (какъ повтореніе при томъ *модели*, какъ отдѣльный экземпляръ даннаго *genus*²) важна только какъ конкретная, случайная форма *цѣнности*, важно то, что она можетъ быть добыта въ обменъ и вымѣнена на что-нибудь другое, на-столько же цѣнное. Это «вѣчно другое» — прежде всего — деньги. Значитъ, всякая вещь — *vertretbar*, можетъ быть замѣнена, заступлена; въ такой замѣнѣ, заступленіи лишь видетъ наружу цѣнность вещи, и видетъ въ формѣ денегъ.

Такое въ сущности теперь состояніе если не всей, то большинства движимой наличности, состояніе, данное внѣшнимъ экономическимъ порядкомъ и, въ-частности, условіями нынѣ-

¹ Вѣрный, но рельефный очеркъ того и другаго можно найти въ статьяхъ: *Scheidt: Der Begriff des Geldes in seiner historisch-ökonomischen Entwicklung*; и *Die wirtschaftlichen Grundbegriffe im Corpus juris civilis* — въ *Jahrbücher Hildebrand's*, 6-er Band. Не мало данныхъ и у Родбертуса, въ его *Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums*, въ *Jahrbücher Hildebrand's*, начиная съ 1864 г. А также, Гольдшмитъ въ его *Handbuch*, стр. 262, nota 3.

шняго производства. Что-же, въ виду всего этого, юристъ по прежнему долженъ повторять свои дефиниціи права собственности и его *vindicatio*? Онъ можетъ повторять эти дефиниціи, составленные изъ данныхъ совсѣмъ иного порядка, только кто пойметъ его? Если же онъ хочетъ взять матеріаломъ для своихъ положеній и своихъ выводовъ отношенія и представленія нынѣшняго порядка, въ такомъ случаѣ ему необходимо: 1) по крайней мѣрѣ относительно движимости свести понятіе права собственности на понятіе владѣнія¹; 2) если не на мѣсто, то хоть рядомъ съ *res corporeales* выставить другое понятіе — «иущество», какъ римское *familia* съ одной его стороны, какъ *ein Komplex nur von gleichartigen Grössen. . . . einer gewisser Art, die wir eben darum «Vermögensrechte, auch wol «geldwerthe», oder schätzbare Rechte nennen*². Но оба требованія могутъ быть выполнены лишь подъ условіемъ, что существуетъ извѣстный родъ вещей, который способенъ замѣнять собой вещь другаго рода и самъ можетъ быть замѣненъ. Этотъ родъ вещей, это *tertium comparationis* — деньги.

Сказанное состояніе движимой наличности появилось не сразу, оно не закончено вполне и теперь, но дѣло въ томъ, что разъ юристъ имѣетъ предъ собой такое состояніе, онъ долженъ нарочито, а не случайно, остановить свое вниманіе на сказанномъ *tertium comparationis*. Тутъ онъ можетъ сослаться даже на прихоть тѣхъ-же римскихъ юристовъ. Для извѣстныхъ цѣлей, имъ понадобилось выставить понятіе иущества, какъ цѣлаго, состоящаго изъ однородныхъ величинъ, — они его и выставили въ видѣ извѣстнаго *rescuium* рабовъ. Далѣе, упомя-

¹ Какая модификація нужна для опредѣленія права собственности на недвижимость, какъ скоро заводится поземельная книга, мы здѣсь не касаемся.

² *Becker* въ *Zeitschrift Hildebrand's*, 17 Bd. стр. 381.

пущее состояніе для движимости, при которомъ болѣе и болѣе является безразличной конкретная форма отдѣльной *res*, не было уничтожено изъ виду римскими юристами, — его они взяли въ расчетъ, когда, въ интересахъ обрабатывающей промышленности¹, прогрессивная школа ввела особый способъ приобрѣтенія права собственности, *specificatio*². Но до такого безразличія конкретной формы, конечно, прежде всего дошли сами же деньги. Принять ли въ расчетъ такой фактъ въ римской теоріи въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, не съ законченнымъ, но съ оборваннымъ развитіемъ? Да, принять, и въ доказательство рекомендуемъ внимательно прочесть и сличить два слѣдующихъ фрагмента: L. 78. D. d. Solut. Si alieni nummi inscio vel invito domino soluti sunt, manent ejus cujus fuerunt; si mixti essent ita ut discerni non possent, ejus fieri qui accepit in libris Gai scriptum, ita ut actio domino cum eo qui dedisset furti competeret. Теперь L. 5. D. d. R. V. Ulpianus libro sexto decimo ad edictum. Idem Pomponius scribit: si frumentum duorum non voluntate eorum confusum sit, competit singulis in rem actio, in quantum paret in illo acervo suum cuique esse: quod si voluntate eorum commixta sunt tunc communicata videbuntur et erit communi dividundo actio. По-видимому, фактическая гипотеза обоихъ фрагментовъ совершенно одна и та-же, и въ томъ и другомъ идетъ рѣчь о *quantitas*, по-видимому слѣдовало бы ожидать, что гипотеза перваго фрагмента будетъ рѣшена такъ-же, какъ и гипотеза втораго. А между тѣмъ рѣшеніе выходитъ различно, благодаря, очевидно, лишь тому, что въ первой гипотезѣ — *quantitas* — nummi, а во второй —

¹ Dankwardt, Nationalökonomie und Jurisprudenz.

² D. d. A. R. D. L. 7, § 7. Cum quis ex aliena materia speciem aliquam suo nomine fecerit, Nerva et Proculus putant hunc dominum esse qui fecerit, quia quod est, antea nullius fuerat.

quantitas — frumentum. Аккурсий (Glossa sublin. ad L. 78) замѣчаетъ, что secundum quosdam hic est casus quo fur rem furtivam dando dominium transfert». Glossa marginalis прибавляетъ: solutio reconciliatur nummorum immixtione, а чтобы подобное объясненіе выходило правдоподобнѣе, слово *mixtio* объяснено прибавкой: cum aliis nummis. У Готофреда (въ его изданіи Corpus juris civilis) кажущаяся экстравагантность L. 78. D. d. Solut. объяснена коротко: *Immixtio* (почему не просто *mixtio*?) habet vim consumptionis, *consumptio* vim solutionis. Въ этомъ объясненіи два порока: 1) *petitum principii* — почему *immixtio* habet vim consumptionis? 2) фикція, — ибо очевидно, отъ *immixtio* еще никакой *consumptio* для самаго corpus *immixtum* не происходитъ. Между тѣмъ объясненія Глоссы и Готофреда послужили началомъ для господствующей и теперь теоріи¹, по которой приведенный L. 78 прямо относится къ рубрикѣ о способахъ приобрѣтенія права собственности, въ L. 78 идетъ рѣчь объ *immixtio*, *commixtio*, какъ одномъ изъ видовъ *accessio*. Въ 1867 году Бехманъ² самымъ нагляднымъ образомъ показалъ, что L. 78. D. d. solut. не имѣетъ никакого отношенія къ *accessio*, потому что «Eine blossе räumliche Beziehung kann für sich allein unmöglich der innere Grund einer Eigenthumsveränderung sein³. L. 78 приводитъ, напр., Гартмана къ тому положенію, dass das Recht für das Geld als solches ein ganz anderes Princip des Eigenthumsschutzes anerkennt, wie für alle andere Sachen⁴.

¹ Она повторяется почти во всѣхъ учебникахъ, съ такими или иными видоизмѣненіями.

² Academisches Programm. Къ сожалѣнію, мы не могли добыть самой монографіи, и знакомы съ нею только по цитатамъ у Гартмана. Стр. 21.

³ Бехманъ, стр. 24 (у Гартмана, стр. 21, nota 2).

⁴ Гартманъ, ibid. стр. 31.

Что принцип, выраженный въ L. 78, выработанъ въ позднѣйшее время, можно видѣть изъ другихъ фрагментовъ, гдѣ высказано начало приложенія строгой vindicatio и по отношенію къ деньгамъ, напр., L. 67. D. 23, 3 d. jure dotium, L. 11, § 2. d. reb. cr. и другихъ. Но новое начало L. 78, провозглашенное только для денегъ, послужило точкой отправленія для развитія ученія о правѣ собственности на движимость въ новой Европѣ. Не столько опираясь на это начало, сколько придираясь къ нему, сначала итальянскіе юристы, а потомъ саксонская судебная практика ввели вообще движимость въ такое же положеніе относительно vindicatio, въ какомъ оказались первоначально деньги по L. 78. D. d. solut.¹ Такимъ образомъ, задумавшись надъ деньгами, юристъ не можетъ не додуматься до того, что одно изъ коренныхъ понятій гражданского права, понятіе права собственности, едва-ли можетъ мирно переноситься однимъ у другаго.

Но есть еще одинъ резонъ, по которому юристъ не можетъ не остановиться на вопросѣ о деньгахъ, онъ долженъ остановиться на немъ ex professo. Дѣло въ томъ, что въ современномъ commercium запутались даже бытовія представленія о деньгахъ, благодаря появленію разнородныхъ денежныхъ суррогатовъ. Такая путаница не устраняется экономическими чертами; въ самомъ дѣлѣ, существенный признакъ денегъ поставляется въ томъ, что онѣ орудіе обращенія. Но вѣдь за-одно съ деньгами такую-же роль играютъ самыя разнохарактерныя орудія, и даже иной разъ играютъ чаще, чѣмъ деньги. Что до другой черты, — деньги — мѣрило цѣнности, то и здѣсь, даже не отвергая такого значенія, не нужно забывать одного: цѣнность есть отношеніе одной вещи къ другой, и въ томъ числѣ, отношеніе данной вещи къ деньгамъ, значитъ, одно отношеніе

¹ Интересныя выдержки изъ памятниковъ стараго и новаго нѣмецкаго права, напр. у Kraut'a, Grundriss u. s. w. §§ 82 — 83.

измѣрять другія?¹ Конечно, кто покупаетъ или продаетъ, и не думаетъ третировать нужную сумму какъ tertium contrahentis. Наконецъ, третья черта — деньги законное средство платежа, нѣсколько смущается тѣмъ обстоятельствомъ, что иной разъ такой-же характеръ придавался не деньгамъ, а, напр., поземельнымъ участкамъ², а положеніе, будто только предлагая деньги своему кредитору, должникъ можетъ поставить послѣдняго въ состояніе mora accipiendi³ опять таки не вѣрно, — должникъ можетъ вызвать сказанное состояніе, лишь предлагая кредитору предметъ обязательства, а такимъ предметомъ могутъ быть и не деньги.

Такъ или иначе, но есть, значитъ, рѣшительные поводы и для юриста сосчитать съ понятіемъ денегъ. Мы и попробовали это сдѣлать, и такъ-какъ сразу же оказалось нѣсколько родовъ денегъ, то пришлось рѣшить вопросъ, съ котораго же начать? Мы начали съ звонкой монеты, ступивши такимъ образомъ на ту дорогу, какая указана здѣсь первымъ знатокомъ въ вопросахъ подобнаго рода, согласившись напередъ, что jede nicht allein wirthschaftliche, sondern auch juristische Geldtheorie muss von dem naturgemässen wie regelmässigen Sachverhalt ausgehen, dass prinzipiell nur das Edelmetall und zwar in Congruenz des Metall- und des Nenn-Werthes wahres (voll-

¹ Здѣсь не мѣсто приводить всѣ сомнѣнія и возраженія, — смотр. напр. Lindwurm, Die Theorie des Werthes, въ Jahrbücher Hildebrand'a, за 1865 г.

² Льготы, предоставленныя Цезаремъ ветеранамъ.

³ Мы говоримъ: въ состояніе mora accipiendi, хотя это и не совсемъ точно, — слѣдовало бы сказать post moram и т. д. см. Kriep, Die Mora des Schuldners. Въ связъ съ понятіемъ mora accipiendi ставить понятіе денегъ, напр. Lindwurm: es ist Geld, was der Gläubiger verlangt, verlangen darf, ja mehr noch verlangen muss. (Jahrbücher Hildebrand, въ приведенной выше статьѣ).

kommenes) Geld ist¹. Приемъ удался, по-крайней-мѣрѣ, намъ такъ кажется, — удался въ томъ смыслѣ, что мы не впали, напр., въ ходячую формулу французской юриспруденціи², спаслись и отъ другихъ крайностей, въ родѣ попытки Дюринга³ подчинить понятіе денегъ понятію кредита, или въ родѣ воззрѣнія (Ландвурмъ и Равитъ), будто монеты — собственность государства, а частнымъ лицамъ лишь предоставлено пользование этою собственностью. Результатъ самъ собою получился такой: или звонкая монета, или знаки кредита, т. е. или деньги, или кредитныя бумаги. Слѣдовательно, понятіе денегъ — прежде всего понятіе вещи, деньги прежде всего существуютъ *фактъ*, а государство, какъ справедливо замѣчаетъ Рошеръ, только усовершенствуетъ, заканчиваетъ то, что возникаетъ и существуетъ до него и безъ него. Такъ-что, слѣдовательно, давній споръ, поднятый еще Аристотелемъ, — существуютъ ли деньги *фактъ* или *воля*, разрѣшается простымъ положеніемъ, что въ *государствѣ* онѣ существуютъ и *фактъ* и *воля*. Контрастъ, какой оказывается между *денгами* и кредитными знаками, ни мало не сглаживается переходною ступенью въ видѣ бумажныхъ денегъ, — разъ послѣднія появляются съ полнымъ принудительнымъ курсомъ, онѣ тѣмъ самымъ понадаютъ въ первую половину контраста; нѣтъ въ нихъ такой принудительности, тогда бумажныя деньги собственно не пристають ни къ той, ни къ другой половинѣ, но въ первомъ, если не во второмъ случаѣ, онѣ, какъ язва, одинаково разъѣдаютъ обѣ половины нашего контраста. Въ этомъ отношеніи порицанія бумажныхъ денегъ со стороны политической экономіи только усиливаются еще съ точки зрѣнія права.

¹ Goldschmidt, Zur Rechtstheorie des Geldes, въ его Zeitschrift Bd. 13, стр. 375.

² «Деньги—обозначеніе цѣнности».

³ См. особенно его Kapital und Arbeit.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ, между прочимъ, вытекаетъ и то, что только овладѣвши понятіемъ денегъ, юристъ будетъ въ состояніи овладѣть другимъ понятіемъ, — мы разумѣемъ *кредитъ*. Какъ велико вліяніе кредита, что снѣ уже сдѣлалъ и чего еще можно ждать отъ него въ будущемъ, обо всемъ этомъ писалось и говорилось быть можетъ даже больше, чѣмъ читалось и слушалось. Но для насъ важно здѣсь то, что понятіе кредита постепенно начинаетъ возводиться на степень понятія юридическаго¹; и что такимъ образомъ, не фраза, а указаніе на дѣйствительный фактъ — положеніе Реслера, dass die Wirthschaftsordnung eine Rechtsordnung und die Wirthschaftsbegriffe Rechtsbegriffe sind², и ничего страннаго, а напротивъ, въ порядкѣ вещей, когда лучшіе экономисты, въ вопросѣ о деньгахъ, ссылаются и подтверждаютъ выводы, добытые юристами (Адольфъ Вагнеръ и Савиньи).

Выполненіе задачи, какую преслѣдовалъ здѣсь авторъ, не такъ было легко, не столько по недостаточности литературныхъ пособій, сколько по другому обстоятельству: это крайне деликатная черта, отдѣляющая экономическую Betrachtungsweise отъ юридической. Мы хотимъ сказать не то, что экономическая сторона должна быть запознана, — нѣтъ, но осторожность, какая здѣсь нужна, состоитъ въ томъ, чтобы не выдать чего-нибудь экономическаго за юридическое, и на-оборотъ. Экономическая сторона, говоримъ, не можетъ быть запознана, напротивъ, она должна быть принята въ расчетъ, потому что ина-

¹ Не говоря о монографіи Геймбаха, Creditum 1849 года, мы можемъ указать не только на учебники торговаго права (напр. Толя, Эндемана), но и на спеціальныя статьи, посвященныя изученію юридической стороны кредита, таковы—статья Эндемана въ журналѣ Гольдшмита, Bd. IV, и Bd. XII статья Реслера.

² Ueber d. Grundlehren u. s. w. стр. 98, срав. стр. 268 и слѣд.

че совсѣмъ не былъ бы понятъ фактическій Thatbestand разсматриваемаго явленія. Подобное переступленіе границы постоянно совершалось, оно, какъ мы видѣли, поставлено въ упрекъ самому Савиньи, упрекъ, отъ котораго, быть можетъ, не свободенъ и Виндшейд¹. Но и въ этомъ отношеніи нѣмецкая литература сдѣлала слишкомъ много для того, чтобъ нельзя было хоть приблизительно потрафить на вѣрную дорогу. При изученіи вопроса о деньгахъ (какъ и при изученіи почти всякаго другого) приходится отпираться отъ Савиньи², отъ него отпирались и мы. И только уже послѣ Савиньи, перейдя черезъ рядъ учебниковъ³, можно дойти до двухъ сочиненій⁴, знакомство съ которыми можетъ считаться знакомствомъ съ вопросомъ о деньгахъ въ его нынѣшнемъ состояніи. Авторы обоихъ сочиненій занялись вопросомъ одновременно, и не смотря на разницу метода, одинъ независимо отъ другаго, пришли къ одинаковымъ выводамъ, съ разногласіями второстепеннаго свойства. То, что сказано у Гольдшмита, пополняется книгой Гартмана въ томъ отношеніи, что въ ней есть особый отдѣлъ (V)⁵,

¹ См. его Lehrbuch, въ частности § 256.

² D. Obligationenrecht. Bd. §§ 40—48.

³ Здѣсь мы не можемъ не заявить сожалѣнія, что не могли имѣть подъ-руками ни монографіи Равита (напечатано сначала въ Archiv Staatswissenschaftlicher Abhandlungen, Bd. I. Heft 1. (Lübeck. 1862 г.), а послѣ появилась въ видѣ отдѣльнаго оттиска), ни Bd. XI Krit. Vierteljahrschrift, гдѣ помѣщена рецензія Карлова на книгу Гартмана. Но что до Равита, его взгляды изложены у Гартмана и Гольдшмита.

⁴ Goldschmidt, Handbuch des Handelsrechts. Bd. I, 2-e Abtheilung, стр. 1060—1231. Erlangen, 1864—1868. Hartmann, Ueber den rechtlichen Begriff des Geldes und den Inhalt von Geldschulden, Braunschweig, 1868.

⁵ Стр. 111—180.

посвященный очерку исторіи юридическаго понятія денегъ. Выводы, къ какимъ пришли онъ и Гартманъ, Гольдшмитъ резюмировалъ въ своемъ журналѣ¹, а отношеніе, въ какомъ они находятся съ Гартманомъ, Гольдшмитъ самъ опредѣляетъ такъ: «Въ методѣ изслѣдованія мы оба одинаково исходимъ изъ того положенія, что и для юридической теоріи денегъ надежная опора можетъ быть добыта только путемъ внимательнаго наблюденія законовъ и фактическихъ данныхъ экономическаго порядка, и что далѣе, юридическое понятіе денегъ по-необходимости должно быть уже, чѣмъ расплывающееся экономическое понятіе, другими словами,—что не все, что деньги въ экономическомъ смыслѣ, можетъ быть подведено подъ одинаковые принципы права. Но, съ другой стороны, разница въ методѣ изслѣдованія тѣсно связана съ различіемъ задачи, какая поставлена каждымъ изъ насъ. А именно, я стремился къ тому, чтобы выстроить полную систему экономической и юридической теоріи денегъ, для чего я старался найти себѣ прочную опору въ анализѣ сложной комбинаціи экономическихъ данныхъ въ ихъ историческомъ развитіи. Что-же до Гартмана, онъ самъ называетъ свою монографію только критическимъ дополненіемъ къ общезвѣстному и знаменитому «изложенію» Савиньи. Отсюда то, что самъ вполне знакомый съ экономическими данными, Гартманъ предполагаетъ такой-же знакомство у читателя, потому разнѣ случайно онъ намекаетъ на сказанныя данныя, только мимоходомъ затрогивая не одинъ изъ важнѣйшихъ юридическихъ вопросовъ. Далѣе, сообразно съ характеромъ систематическаго руководства, я больше синтетически развиваю тѣ юридическія положенія, которыя прииманы къ «деньгамъ» въ тѣсномъ юридическомъ смыслѣ, или, какъ я выражаюсь, къ «полнымъ деньгамъ» (vollkommenes Geld), и только не упускаю изъ виду

¹ Bd. XIII, 367—390, Zur Rechtstheorie des Geldes.

замѣтить, если то или другое изъ такихъ положеній должно быть принято въ расчетъ и для «денегъ» въ болѣе широкомъ смыслѣ, или какъ я ихъ называю, для денегъ «неполныхъ» и для «денежныхъ знаковъ». Что-же касается Гартмана, онъ болѣе аналитически старается опредѣлить, что разумѣется подъ «деньгами» въ тѣхъ юридическихъ положеніяхъ, которыя должны имѣть приложеніе къ «деньгамъ». Результаты у него и у меня сами по себѣ должны были выйти одинаковы, на-сколько я и онъ подвергаемъ разсмотрѣнію одни и тѣ-же юридическія положенія».

Сочиненія, на которыя мы ссылались въ разныхъ мѣстахъ этого предисловія, главнымъ образомъ опредѣляютъ кругъ тѣхъ литературныхъ пособій, которыя болѣе или меньше мы имѣли въ виду при составленіи настоящей статьи, первоначально возникшей въ видѣ нѣсколькихъ лекцій въ составѣ курса, читаннаго въ настоящемъ (1872 — 1873) учебномъ году. Исчислять другія пособія мы не имѣемъ никакой надобности, и въ-частности, что до экономической литературы, изъ нея мы справлялись по преимуществу съ такими сочиненіями, которыя болѣе или менѣе предполагаются общеизвѣстными. А потому, — *weiter will ich mich nicht ergehen in Selbstanklagen und Entschuldigungen, durch welche wirkliche Fehler ja doch nicht besser, und rechte Recensenten nicht milder werden (Brinz).*

Харьковъ.

20 Февраля, 1873 г.

§ 1. Въ учебникахъ гражданского права ученіе о деньгахъ обыкновенно излагается въ отдѣлѣ объ обязательствахъ; туда оно отнесено и въ учебникъ Мейера. Но мы не видимъ достаточнаго резона относить ученіе о деньгахъ къ ученію объ обязательствахъ, выдѣлять частный вопросъ о юридическихъ свойствахъ денегъ изъ общаго вопроса о свойствахъ различныхъ движимостей, *res corporales*; не видимъ такого резона потому, что хотя деньги часто играютъ роль орудія для совершенія или того юридическаго акта, который извѣстенъ подъ названіемъ платежа (*solutio*), или вообще удовлетворенія, и который есть не что иное, какъ исполненіе обязательства; но въ такомъ случаѣ нужно было бы отнести къ ученію объ обязательствахъ и вообще вопросъ о нераспознаваемыхъ движимостяхъ, которыя тоже фигурируютъ (и не такъ рѣдко) въ исполненіи различнаго рода обязательствъ, договоровъ, напр. договора купли, продажи, подряда, *datio in solutorem*, договора коммисіонерскаго и т. п. Потому и логичнѣе и удобнѣе ученіе о свойствахъ денегъ разсматривать какъ частный вопросъ въ болѣе общемъ ученіи о юридическихъ свойствахъ различныхъ движимостей, движимой

наличности. А то, чего добраго, можно подумать, что деньги не бывают предметом ни права собственности, ни другихъ правъ вещнаго характера. Деньги (какія—пока все равно) есть прежде всего такая-же движимость въ смыслѣ движимой наличности, какъ и другія разнаго рода движимости, только что деньги имѣютъ огромное превосходство предъ другими движимостями, превосходство экономического свойства, но далеко не безразличное и съ юридической точки зрѣнія. Это станетъ понятнымъ, если скажемъ, что *имущество* (будетъ оно имуществомъ физическаго или юридическаго лица, это все равно) въ составѣ своемъ можетъ имѣть разнообразныя части и между прочимъ—деньги (касса); *но никогда не можетъ оставаться надомо безъ этой составной части (т. е. денегъ)*. Конечно, въ каждомъ имуществѣ (хозяйствѣ) бываютъ періоды безденежья (пустота кассы), но такіе періоды должны быть кратковременны; потому что, въ противномъ случаѣ, если безденежье длится долго, могутъ наступить особыя состоянія уже юридическаго характера: отъ неисправности дѣло дойдетъ до пріостановки платежей, а за этимъ, напр. для купца, впереди видѣется несостоятельность. Такое значеніе денегъ вытекаетъ изъ ихъ роли въ такъ называемомъ денежномъ хозяйствѣ. Правда, денежное хозяйство рядомъ съ деньгами допускаетъ и другіе «денежные суррогаты», напимѣръ, бумажныя деньги, разнаго рода кредитныя бумаги, векселя, чеки и проч., словомъ допускаетъ (и даже вызываетъ ихъ необходимость) тѣ формы, орудія обращенія, которыя характеризуютъ собою такъ называемое кредитное хозяйство. Но всѣ эти «суррогаты» только *суррогаты*, они не *отмѣняютъ*, а только *сберегаютъ* деньги. Здѣсь мимоходомъ, въ отвѣтъ на тѣ, намъ кажется, несбыточные надежды, будто настанетъ когда-то особое кредитное хозяйство, въ которомъ исчезнетъ самое понятіе о деньгахъ, замѣтимъ, что всѣ эти надежды намъ кажутся прекрасными темами для кон-

версаціи, и плохимъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кто не хочетъ или не можетъ приспособиться къ металлическому механизму денежнаго хозяйства, и думаютъ, что сладили бы съ механизмомъ папирыми. За-чѣмъ же закрывать глаза на ту истину, что такъ называемое «кредитное хозяйство» не что иное, какъ то-же самое, только усовершенствованное, хозяйство денежное, что всѣ его прелести только тогда не призрачны, когда нарисованы на металлическомъ фонѣ. Механизмъ кредитнаго хозяйства не пойдетъ въ ходъ, если онъ не опирается на «серебряный рубль». Но это—вскользь; а пока, въ видѣ вводныхъ замѣчаній, укажемъ еще на нѣсколько общихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно разглядѣть значеніе денегъ для различныхъ руководящихъ положеній гражданскаго права.

§ 2. И такъ, во 1-хъ, деньги являются не просто обыкновенною, но, до извѣстной степени, необходимою составною частью всякаго имущества (какъ дѣлаго, какъ хозяйства). Во 2-хъ, предметъ всякаго имущественнаго права, будетъ ли это *двѣстие*, вещь, движимая или недвижимая, все равно, долженъ быть непременно способенъ къ оцѣнкѣ на деньги, потому что иначе въ большинствѣ случаевъ станетъ невозможною судебная, исковая охрана имущественнаго права. Каково бы ни было данное право по своему предмету и содержанию, будетъ ли это право собственности, право пользованія, право долговое, все равно, его судебная охрана невозможна безъ оцѣнки, потому что, напр. въ случаѣ уничтоженія, порчи предмета права, или въ случаѣ неисполненія обязательства, остается только одно: отыскивать *интересъ*, а при опредѣленіи, исчисленіи интереса такого или иного имущественнаго права, въ судѣ все сведется къ переводу цѣнности нарушеннаго права на сумму денегъ. Есть однако одно имущественное право, относительно котораго, пожалуй, можно сказать, что по русскому праву оно не допускаетъ оцѣнки, это—право стать наслѣдникомъ, право не на отрывшееся наслѣдство,

и скорѣй—по отношенію къ такому наслѣдству. Это право поставлено въ возможности денежной оцѣнки (ст. 1256 1 ч. X т.). Очевидно изъ сказаннаго, что какъ средство къ оцѣнкѣ вообще и къ оцѣнкѣ судебной въ-частности, деньги являются орудіемъ для измѣренія того, что называется юридическимъ интересомъ,—юридическій интересъ—прежде всего интересъ—денежный, хотя не на-оборотъ. А потому, въ 3-хъ, изъ-за своей послѣдней роли деньги распространяютъ кругъ предметовъ обязательственныхъ правъ, и въ-частности расширяютъ сферу договоровъ; безъ денегъ многіе договоры стали бы не возможны. Такъ, не возможны были бы договоры, направленные на установленіе такихъ обязательствъ, предметъ которыхъ—дѣйствія, сами по себѣ не имѣющія имущественнаго значенія. Но брать подобныя дѣйствія предметовъ договоровъ становится возможнымъ, и вотъ какимъ путемъ: договаривающіеся сами оцѣниваютъ подобный невещественный предметъ, сами придаютъ ему, значитъ, юридическій интересъ большаго или меньшаго размѣра. Далѣе, была бы невозможна большая часть и тѣхъ договоровъ, предметъ которыхъ такъ называемыя *отрицательныя дѣйствія*, или, точнѣе, воздержаніе отъ такого или иного дѣйствія. Но, благодаря деньгамъ, все это возможно—ст. 1528 въ ея второй половинѣ находитъ для себя приложеніе. Такому или иному дѣйствію (положительному, отрицательному) можно придать юридическій и денежный интересъ не посредствомъ прямой добровольной оцѣнки, а косвенно, чрезъ *condicio*. Нежелательное совершеніе извѣстнаго дѣйствія можно взять условіемъ, съ наступленіемъ котораго возникаетъ обязательство лица, совершившаго такое дѣйствіе, въ пользу лица, которому было интересно несовершеніе дѣйствія, взятаго за *condicio*. Точно такъ-же и такой-же косвенный путь возможенъ и тогда, когда идетъ рѣчь объ установленіи обязательства, предметъ котораго—дѣйствіе положительное. Въ 4-хъ, есть особое юридическое

понятіе — *доходъ*, т. е. та польза, тотъ прокъ, который доставляетъ данная вещь тѣмъ или другимъ путемъ: или дѣйствіемъ натуральныхъ силъ, когда вещь даетъ плоды (*fructus naturales*), или отъ приложенія къ вещи различныхъ юридическихъ сдѣлокъ (*fructus civiles*). Этого рода способность данной вещи, ея *доходность*, опять измѣняется на деньги, и результатъ подобнаго измѣренія доходности берется потомъ за основу цѣны самой вещи. Въ 5-хъ, въ области гражданскаго права извѣстны такіе случаи, когда нужно на-время забыть, упустить изъ виду—каковы разнообразныя составныя части даннаго имущества, потому что для извѣстныхъ цѣлей, данныхъ особенностями положенія этого имущества, важно опредѣлить не то, каковы его составныя части, а какъ велика цѣна этого имущества, какъ цѣлаго, чего оно стоитъ, будучи вынесено на рынокъ. Однимъ изъ случаевъ этого рода, въ которыхъ приходится игнорировать разнообразіе составныхъ частей имущества, представляется *ликвидация дѣлъ товарищества*: когда прекращается существованіе товарищества—какого оно свойства, торговое или нѣтъ, акціонерное или иное, это здѣсь безразлично,—тогда приводится въ извѣстность вся масса товарищескаго имущества, сначала узнается, что есть въ наличности и вообще констатируется активъ; затѣмъ констатируется пассивъ, и только уже послѣ того, какъ опредѣлено отношеніе актива къ пассиву, возможна та юридическая операція, которая называется *ликвидацией*. Но и во время существованія товарищества есть другая операція, которая опять возможна только при такомъ запознаніи разнообразія составныхъ частей имущества, сведенныхъ къ общему знаменателю, выраженному суммой денегъ. Мы разумѣемъ здѣсь выведеніе баланса—операція, которая предшествуетъ и должна предшествовать не чему иному, какъ распредѣленію дивиденда. Другой случай такого-же рода — *несостоятельность*; здѣсь опять, независимо отъ разнообразія составныхъ частей, нужно

знать цѣну всего имущества и все для той-же цѣли, т. е. чтобъ опредѣлить отношеніе актива къ пассиву. Всѣ исчисленныя и другіе подобныя случаи были бы не возможны, не будь денегъ, или если-бы и возможны, они были бы опредѣлены въ положительномъ правѣ совѣмъ иначе, чѣмъ теперь. Наконецъ, вообще говоря, могущество, власть (Vermögen), которую даетъ человѣку его имущество, измѣряется общою стоимостью этого имущества, т. е. тѣми-же деньгами. Уже изъ этого видно, что и для гражданского права ученіе о деньгахъ имѣетъ не малую важность, больше, чѣмъ ученіе о разнаго рода «тѣлѣнныхъ и нетѣлѣнныхъ вещахъ». Мы, конечно, имѣемъ въ виду это ученіе съ юридической стороны. Но, понятное дѣло, что и юридическое ученіе о деньгахъ можетъ быть построено только на экономическихъ послѣдствіяхъ.

§ 3. Прежде всего, обратимъ вниманіе на то, каковы тѣ различныя формы денегъ, которыя фигурируютъ въ современномъ быту. Такихъ формъ надо признать три, или пожалуй, если-бы считать третью только за разновидность второй, даже двѣ. Эти формы: 1) звонкая монета; 2) бумажныя деньги и 3) билонъ. И юридическое ученіе о деньгахъ должно отправляться отъ звонкой монеты; но мало того, для большей простоты и ясности изложенія, мы предположимъ, что въ настоящее время мы не имѣемъ предъ собой ни бумажныхъ денегъ, ни другихъ «суррогатовъ», такъ-что чрезъ это наше изложеніе, быть можетъ, на-время приметъ нѣсколько характеръ гипотетическій, но за-то скорѣй и вѣрнѣй, намъ кажется, будутъ вскрыты основныя точки опоры въ этомъ, нельзя скрыть, для юриста довольно спутанномъ и затуманенномъ вопросѣ.

Вещи, которыя мѣняются, называются вообще *мѣновыми предметами*. Такими предметами могутъ быть вещи, услуги, права и прочее. Они мѣняются въ различныхъ пропорціяхъ. Пропорціональное отношеніе ихъ взаимнаго обмѣна и есть цѣн-

ность предмета, конечно, мѣновая. Мѣновыя предметы способны добыть тому, кому они принадлежатъ, другіе мѣновыя предметы въ томъ или другомъ количествѣ. Мѣновыя предметы цѣнны, потому что обладаютъ сказанною способностью; присутствіе этой способности въ предметѣ есть его цѣнность; какъ велика или мала будетъ эта способность, такъ велика или мала будетъ и цѣнность предмета. Какъ вѣсъ, прочность, упругость, такъ и цѣнность предмета есть его свойство, качество, только качество это является слѣдствіемъ человѣческаго общенія; оно является только въ человѣческомъ мірѣ. Какъ тѣ качества измѣняются, такъ точно и наше качество — цѣнность можетъ быть и должна быть измѣряема. Каковы культурныя зоны, вызвавшія надобность въ выборѣ общаго измѣрителя цѣнностей, какъ возникли деньги и въ чемъ заключается произведенный ими переворотъ, коротко, но наглядно рассказано въ L. 1 pr. D. 18, 1 Павла. Но каковы бы ни были эти зоны, для насъ важно одно, что два металла — золото и серебро, оба благородныя, еще до начала греческой цивилизаціи избраны были для измѣренія цѣнностей; ихъ роль осталась такою и до сихъ поръ. Такъ, въ Россіи попытка поставить на-равнѣ съ золотомъ и серебромъ платину не состоялась, а за-тѣмъ другіе металлы, которые вводились прежде какъ деньги, были только переходною стадіей. Такими металлами были бронза, мѣдь и другіе до введенія въ употребленіе золота и серебра, или хотя и послѣ, но только какъ билонная монета. Золото и серебро уже какъ металлъ, благодаря своимъ внутреннимъ свойствамъ, являются измѣрителями цѣнности остальныхъ предметовъ; но кусокъ золота, остающійся въ формѣ слитка, не болѣе, какъ товаръ, въ сущности ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ товаровъ, отъ всѣхъ мѣновыхъ предметовъ, цѣнность которыхъ онъ измѣряетъ. *Слитокъ благороднаго металла, какъ слитокъ, еще не деньги*. Чтобы стать

деньгами, золото или серебро прежде всего должно быть известным образом обработано, все равно как особенная обработка нужна для того, чтобы металл сталъ посудой, браслетомъ, брошкой и проч. Безъ и до обработки золото и серебро — только матеріалъ, металлическое сырье. Спрашивается, въ чемъ же должна состоять обработка, необходимая для того, чтобы кусокъ металла превратился въ монету? Эта обработка металла состоитъ въ слѣдующемъ: 1) *кусокъ металла долженъ получить определенный вѣсъ и чистоту*; 2) *этому куску определенного вѣса и чистоты придается однаобразная определенная форма* (ст. 61, 62 Уст. мон.), такая форма, чтобы при одномъ взглядѣ на нее было видно, что данный кусокъ, съ тѣхъ поръ, какъ выпропанъ въ монету, не убавленъ въ своемъ *вѣсѣ*, что онъ остался *подлиннымъ* со стороны количества заключающагося въ немъ металла (не обрѣзанъ); точно также одного взгляда на форму нашего куска, какъ на штемпель, достаточно, чтобы убѣдиться въ его подлинности и со стороны чистоты металла. Послѣ такой пердѣлки нашъ кусокъ металла станетъ монетой, денежною штукой. Но, очевидно, для того, чтобы играть роль монеты, нашъ кусокъ металла нуждается еще въ весьма важномъ моментѣ, именно въ томъ, чтобы ему *вѣрили*, вѣрили тому, что хочетъ сказать его форма, его штемпель; отсюда является необходимость монетной реглаціи (ст. 57 Уст. и.), которая составляетъ принадлежность верховной власти во всѣхъ государствахъ; самая фабрикація монетъ находится или въ рукахъ самого правительства, или правительство передаетъ ее кому-нибудь, сохраняя у себя только контроль за этою фабрикаціею, какъ это существуетъ и во Франціи. Вѣра въ то, что данный кусокъ металла дѣйствительно определенной чистоты и вѣса, ведетъ къ тому, что вѣрятъ и той цѣнѣ, какая означена на штемпелѣ куска металла, известнымъ образомъ обработаннаго. Цѣна обозначается, *возпо-*

щается на каждой монетѣ, а какъ она указывается — это все равно, прямо ли, то есть названіемъ, или указаніемъ на то отношеніе, въ какомъ отдѣльная монета находится къ монетной скалѣ (30 въ фунтѣ серебра и т. д.). Ясно, что постоянная цѣна отдѣльной монеты, какъ обработаннаго слитка, будетъ слгаться изъ двухъ элементовъ: цѣны ея, какъ металла, потому что изъ-за того, что металлъ известнымъ образомъ приспособленъ, обработанъ, онъ все-таки не перестаетъ быть металломъ, но къ этой цѣнѣ будетъ еще надбавка, которая должна покрывать издержки самой фабрикаціи; эта надбавка ведетъ къ тому, что цѣна монеты, какъ обработаннаго слитка, не можетъ пасть ниже той цѣны, которую имѣлъ бы кусокъ металла, если-бы не былъ монетой, а оставался бы просто слиткомъ. Если возьмемъ, наур., обработанный слитокъ серебра въ 4 золотника 21 долю, который называется серебрянымъ рублемъ, то цѣна его не можетъ быть ниже той цѣны, которую онъ имѣлъ бы, если-бы не былъ обработанъ. Обыкновенно же цѣна такого фабрицированнаго куска даже будетъ нѣсколько выше, чѣмъ его цѣна какъ металла, плюсъ надбавка, что зависитъ отъ степени спроса на *деньги*, такъ-что слѣдовательно даже при нормальномъ положеніи рынка придется различать биржевой курсъ, подверженный значительнымъ, но постояннымъ колебаніямъ, которыя однако постоянно тяготеютъ къ «металлическому пункту», то есть къ цѣнѣ монеты, какъ металла, плюсъ надбавка за издержки фабрикаціи. Последняя надбавка есть, хотя ст. 62, 68 Уст. мон. говорить, что обработку монеты правительство принимаетъ на свой счетъ; но достаточно взглянуть хоть на ст. 83 *ibid.*, чтобы и ст. 62, 68 понять иначе.

§ 4. Теперь необходимо познакомиться съ терминологіею нашего законодательства относительно звонкой монеты и, во-первыхъ, должно опредѣлить тотъ терминъ, который поадается въ X т., именно — *родъ* монеты. Это терминъ техническій; онъ о-

предѣленъ въ 58 ст. Мон. уст., которая говоритъ, что существуетъ у насъ въ Россіи 3 рода монетъ: золотая, серебряная и мѣдная; слѣдовательно подъ словомъ *родъ монеты* разумѣется качество металла; если такъ, въ такомъ случаѣ интересно было бы поглядѣть, какой смыслъ и значеніе словъ «*родъ монеты*» въ ст. 2111 т. X. ч. I. Но кромѣ рода монеты различается еще *видъ* ея, то есть тѣ различныя монеты, которыя чеканятся внутри каждаго рода монеты. Что касается до слова *достоинство* монеты, то это слово также вполне техническое и о-предѣляется ст. 181 въ связи съ ст. 182 Мон. уст. Подъ достоинствомъ разумѣется проба; но иногда подъ достоинствомъ разумѣется и видъ, подраздѣленіе рода. И такъ, у насъ, въ Россіи, 2 главныхъ рода монеты, золотая и серебряная; эти два рода не приравнены въ нашемъ юридическомъ быту и только одинъ изъ нихъ лежитъ въ основѣ нашей монетной системы, именно серебряный родъ, то есть, это значить, что та монетная единица, которая допущена у насъ для измѣренія всѣхъ цѣнностей, выхвачена изъ серебрянаго рода. Ст. 66 Мон. уст. говоритъ, что главною, непремѣняемою и звонкою мѣрою (монетною единицею) всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ, есть серебряный рубль настоящаго достоинства; то-же самое повторяетъ ст. 163 Мон. уст., что серебряная русскаго чекана монета есть главная государственная платежная монета, а серебряный рубль съ его подраздѣленіями есть главная непремѣняемая законная мѣра (монетная единица) обращающихся въ государствѣ денегъ. Такимъ образомъ подъ словомъ монетная единица разумѣется именно цѣна, какую имѣетъ избраннаго вѣса и чистоты чеканенный слитокъ (а не самый отчеканенный слитокъ металла); такъ-что цѣна на всѣхъ другихъ слиткахъ того-же или другаго рода металла есть не что иное, какъ та-же монетная единица, помноженная или раздѣленная. Такимъ образомъ, повторяемъ, монетная единица не есть отчеканенный

слитокъ металла, а только его цѣна; монетная единица для измѣренія всѣхъ цѣнностей въ Россіи не есть самый серебряный рубль, какъ отдѣльная монета, *штука*, а только цѣна того слитка металла, который зовется серебрянымъ рублемъ. Вотъ каковъ смыслъ ст. 66, 163 Мон. уст.; и ст. 1540, 1542, 807 т. X. ч. 1., ст. 165 т. VII остаются въ ладу съ 97 ст. Уст. нотар. и съ ст. 172 Мон. уст., остается въ ладу первая половина 182 ст. того-же самаго Мон. уст. со второю половиною той-же статьи.

Всѣ эти статьи далеки отъ того, чтобы запретить всякія сдѣлки, имѣющія предметомъ иностранную монету, будто одно упоминаніе послѣдней—смерть для сдѣлки. Въ статьяхъ 1540 и 1542 т. X ч. I говорится, что во всѣхъ сдѣлкахъ, въ Россіи совершаемыхъ, требуется употребленіе русской монеты и счетъ на иностранную монету запрещается; это значить только, что должна быть употребляема русская монетная единица, а не значить, будто иностранныя деньги не могутъ быть предметомъ покупки, поставки и такъ далѣе. Это значить, далѣе, что никто не обязанъ принимать иностранную монету, какъ деньги. Статья 97 Уст. нотар. требуетъ только перевода иностранной монеты на русскую монетную единицу. Для справокъ, необходимыхъ при подобнаго рода переводахъ, существуетъ особый тарифъ, табель, приложенный къ ст. 168 Уст. монет.; значеніе этой табели справочное, а не безусловно-принудительное, ничто не мѣшаетъ участникамъ данной сдѣлки отступить отъ этой табели.

§ 5. Монетная единица есть величина идеальная; она есть представленіе (взятое, конечно, отъ величины реальной) отъ цѣны извѣстнаго количества серебра, *превращеннаго въ монету*, то есть не отъ цѣны слитка, не отъ цѣны куска серебра въ 4 золотника 21 долю, а отъ цѣны серебрянаго рубля, то есть куска металла, приспособленнаго извѣстнымъ образомъ, на фи-

гуръ, штемпель котораго и помѣчена его цѣна. Съ этою идеальною величиной, съ монетною единицею сличаются всѣ роды и виды денегъ — на нее исчисляется золотая монета, — цѣна послѣдней, стоящая на ея штемпелѣ — только помноженная монетная единица; цѣна билона — опять та-же монетная единица, но уже раздѣленная на извѣстнаго знаменателя; мало того, понятие монетной единицы переносится даже не на деньги, не на монеты другаго рода, а на знаки, только представляющіе монету, именно на бумажныя деньги. За-тѣмъ, мы уже сказали, что нашъ законъ требуетъ, чтобы во всѣхъ сдѣлкахъ, обязательствахъ, употреблялась только одна наша монетная единица, чтобы всѣ цѣнности на пространствѣ русскаго государства измѣрялись нашею монетною единицею и никакою другою. Всѣ акціи, векселя, всѣ купоны, облигаціи — все это помѣчается нашею монетною единицею, то есть все это сводится на цѣну серебрянаго рубля. Но будучи только представленіемъ о цѣнѣ данной монеты, монетная единица родилась все-таки не произвольно; она родилась изъ того, что въ извѣстное время приблизительно такова была цѣна куска серебрянаго металла, куска опредѣленной величины, обдѣланнаго въ извѣстную форму и названнаго рублемъ. Въ настоящее время, когда звонкая исчезаетъ изъ обращенія, когда она попадаетъ весьма рѣдко, мы, если и не можемъ созерцать серебряныхъ кусковъ, извѣстныхъ подъ именемъ рубля, то по крайней мѣрѣ имѣемъ воспоминаніе о нихъ; каждый изъ насъ видѣлъ, хотя разъ въ жизни, серебряный рубль, и воспоминаніе объ этой *res corporalis*, объ этомъ кускѣ металла, даетъ конкретное содержаніе нашему представленію о монетной единицѣ, пополняетъ это представленіе количественною опредѣленностью. Но представимъ себѣ, что исчезло всякое воспоминаніе, всякая идея о серебряномъ рублѣ, цѣна котораго взята у насъ монетною единицею, тогда, конечно, съ словомъ серебряный рубль уже не будетъ соединяться никакого представленія.

Это дастъ поводъ мимоходомъ сказать, что въ такъ называемомъ кредитномъ хозяйствѣ, гдѣ фигурируютъ различные кредитные знаки, не только звонкія монеты, не только бумажныя деньги, а чеки, акціи и прочее, въ основаніи довѣрія къ этимъ суррогатамъ денегъ лежитъ довѣріе къ тому, что все это основано на металлической валютѣ; но вдругъ въ Англіи, положимъ, металлическій фондъ исчезаетъ; естественное дѣло, всѣ эти чеки, акціи упадутъ ниже послѣдняго пенса, потеряютъ всякое значеніе.

И такъ, по нашему праву, мы имѣемъ 2 рода монетъ, родъ серебряный и родъ золотой, которые имѣютъ свои подраздѣленія. Спрашивается, чѣмъ же опредѣляется цѣна того или другаго рода, отъ чего она зависитъ, чѣмъ руководствуется правительство при означеніи той или другой цѣны на той или другой монетѣ, что принимается имъ въ соображеніе. Въ основаніе выбора той или другой цѣны кладется, такъ называемая, *монетная сѣкла*, подъ которою разумѣтся долевое отношеніе количества металла, заключающагося въ монетѣ извѣстнаго рода, вида къ большому количеству металла того-же самаго рода, а послѣднее, большее количество измѣряется общими нормами взвѣшиванія, въ Россіи фунтомъ, пудомъ и другими (2747 ст. Торг. уст.), или, проще, помѣченная на монетѣ цѣна въ своемъ размѣрѣ зависитъ отъ вѣса металла въ этой монетѣ (ст. 60, 66 Мон. уст.), такъ что монетная сѣкла выразится для золотой монеты такимъ образомъ, что одинъ фунтъ чистаго золота (для того, чтобы опредѣлить вѣсъ монеты) долженъ быть раздѣленъ на 1 золотникъ 39 долей, тогда получается количество (и основаніе для цѣны) всѣхъ отдѣльных слитковъ, чеканенныхъ изъ одного фунта и штемпелеванныхъ извѣстнымъ образомъ; точно также нужно поступить и по отношенію къ серебряной монетѣ. Чтобы опредѣлять количество отдѣльных слитковъ, чеканенныхъ изъ фунта чистаго серебра,

нужно фунтъ серебра раздѣлить на 4 золотника 21 долю. Такъ вотъ эта монетная скѣла и лежитъ въ основаніи соображеній, по которымъ правительство намѣчаетъ такую или другую цѣну. Если такъ, то очевидно, что цѣна, *означенная на монетѣ*, вообще говоря, при нормальныхъ условіяхъ экономическаго быта, должна бы почти совпадать съ цѣною этой монеты, какъ слитка; но на самомъ дѣлѣ она все-таки отлична отъ цѣны монеты, какъ слитка, и называется *нарицательнымъ курсомъ*; тѣмъ не менѣе однако этотъ нарицательный курсъ, въ основаніи котораго лежитъ *металлическій курсъ, то есть цѣна данной монеты какъ слитка*, не составляетъ уже такой рѣзкой противоположности съ металлическимъ курсомъ, какъ на этомъ настаивалъ Савиньи въ своемъ ученіи о деньгахъ. Смыслъ нарицательности курса, помѣчаемаго на монетѣ золотого и серебрянаго рода, далеко не одинаковъ. Разница между золотомъ и серебряною монетою въ отношеніи ихъ нарицательнаго курса слѣдующая: наша монетная единица (мы разумѣемъ здѣсь только звонкую монету и вовсе не касаемся, пока, бумажныхъ денегъ), какъ мы уже сказали, выхвачена изъ серебрянаго рода и есть серебряный рубль (т. е. его цѣна); значить, у насъ въ Россіи монетная система единичная (въ другихъ государствахъ есть двойная система — золотая и серебряная), поэтому только нарицательный курсъ (т. е. цѣна, означенная на штемпелѣ) серебряной монеты (а не золотой) получаетъ значеніе принудительное, даетъ себя чувствовать, какъ курсъ принудительный. Напротивъ того, намъ кажется, что нарицательный курсъ золотой монеты не есть вполнѣ принудительный въ Россіи. Теперь возникаетъ интересный вопросъ — съ какой стати, по какимъ поводамъ нарицательный курсъ даетъ чувствовать себя, какъ курсъ принудительный? Это очень просто.

Нынешняя монетная скѣла серебрянаго рода установлена въ 1839 году, то есть была опредѣлена цѣна 4 золотниковъ 21

доли серебра и помѣчена въ рубль; и это потому, что тогда приблизительно была такова цѣна слитка металла въ 4 золотника 21 долю и вообще таково было отношеніе цѣнъ золота и серебра. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ измѣнилось и между прочимъ измѣнилась цѣна серебра, какъ металла, такъ-что если въ 39 году цѣна, помѣченная на слиткѣ серебра въ 4 золотника 21 долю, отвѣчала почти вполнѣ металлической рыночной цѣнѣ этого слитка, то съ тѣхъ поръ, можно сказать навѣрное, что слитокъ въ 4 золотника 21 долю даже по отпущенію къ золоту измѣнился въ своей цѣнѣ. Тѣмъ не менѣе нарицательный курсъ серебряной монеты, опредѣленный по скѣлѣ, установленной въ 1839 году, продолжаетъ существовать до настоящаго времени; стало быть колебаніе въ цѣнѣ металловъ очевидно игнорируются, и вотъ здѣсь-то кроется принудительный характеръ нарицательнаго курса серебряныхъ денегъ, который состоитъ въ томъ, что цѣна серебрянаго слитка известной величины, называемаго рублемъ, какъ помѣчена въ 39 году, такъ считается и до настоящаго времени во всѣхъ случаяхъ, когда съ участіемъ суда или другихъ органовъ общественной власти приходится разбирать отношеніе серебряной монеты къ золотой или илонной, или къ бумажнымъ деньгамъ. Такимъ образомъ нарицательный курсъ серебряной монеты, фиксированный въ 39 году, остается и теперь неизмѣннымъ, вотъ почему онъ и есть принудительный; такъ-что нарицательный курсъ всякой монеты можетъ стать принудительнымъ, если онъ, разъ будучи фиксированъ, остается неизмѣннымъ въ глазахъ закона и органовъ правительства, не смотря на колебанія металлическаго курса звонкой монеты. Что касается до юридическаго смысла принудительности нарицательнаго курса серебряныхъ денегъ, то онъ заключается вотъ въ чемъ: во 1) принудительность эта направляется противъ правительства всякій разъ, какъ-скоро казна вздумаетъ или обязана

выдавать серебряную монету частнымъ лицамъ, которыя имѣютъ право на полученіе той или другой суммы денегъ; въ такомъ случаѣ никакая правительственная касса не въ-правѣ принимать во вниманіе разницы, или, какъ говорятъ, лажа, который имѣетъ серебряный рубль противъ бумажнаго. Вотъ въ чемъ состоитъ принудительность нарицательнаго курса противъ правительства. Что касается до дѣйствія полной принудительности нарицательнаго курса противъ частныхъ лицъ, то она состоитъ въ томъ, что должникъ можетъ принудить своего кредитора принять платежъ серебряною монетою по той цѣнѣ, которая помѣчена на ней. Правда, теперь должникъ предпочитаетъ взять для платежа не звонкую серебряную монету, а бумажки, по это ужъ его расчетъ. Если же онъ захотѣлъ бы употребить серебряныя деньги, кредиторъ не въ-правѣ отказать-ся принять ихъ, но только по ихъ нарицательному курсу. Или, далѣе, при взысканіяхъ, — какъ извѣстно, по правиламъ взысканія въ томъ случаѣ, если въ имуществѣ даннаго лица найдены будутъ кредитныя бумаги, акціи, облигаціи, купоны, — судъ обязанъ послать эти кредитныя бумаги на биржу и продать; напротивъ того, представимъ себѣ, что у лица, съ котораго слѣдуетъ взыскать, найденъ будетъ мѣшокъ серебряной монеты; спрашивается, обязанъ ли и здѣсь судъ послать этотъ мѣшокъ съ деньгами на биржу? Нѣтъ. Почему же такъ? Очень просто, потому что это деньги которыя при томъ имѣютъ принудительный курсъ. Принудительность курса серебряной монеты по отношенію къ золотой окажется въ томъ, что если существуетъ лажъ золотой монеты надъ серебряною, то есть если окажется, что она дороже серебряной, то все-таки кредиторъ не можетъ отказать-ся отъ приема серебряной монеты: онъ обязанъ принять ее, напротивъ того, въ томъ случаѣ, если лажъ существуетъ на серебряную монету, то должникъ не въ-правѣ навязать кредитору золотой монеты, кредиторъ можетъ отказать-ся, и тогда должникъ обязанъ

представить ему или серебряныя, или бумажныя деньги. Это вытекаетъ изъ ст. 163, 166, 167 Уст. мон., ст. 1540, 1542 т. X, ч. I. Въ приложеніи къ статьѣ 168 Уст. мон. есть тарифъ, то есть роспись, въ которой выражено взаимное отношеніе монетъ, вычисленное по монетной скалѣ, установленной еще въ прошлое царствованіе. Очевидно, этотъ тарифъ имѣетъ только справочный характеръ. Но изъ статьи 168 Мон. уст. мы не видимъ, чтобы эта статья придавала нарицательному курсу золотой монеты такое-же значеніе принудительности, постоянства, какое она придаетъ нарицательному курсу серебряной монеты. Мы видимъ только, что правительство общается принимать золотую монету и выдавать ее, принимая въ расчетъ и лажъ золотой монеты; очевидно, статья эта далека отъ того, чтобы придавать и золотой монетѣ на-равнѣ съ серебряною полный принудительный курсъ. Если такъ, если нарицательный курсъ золотой монеты по статьѣ 168 не есть принудительный, то и въ сдѣлкахъ между частными лицами приходится слѣдить за всѣми колебаніями металлическаго курса золота на биржѣ. И такъ, нарицательная цѣна золотой монеты, означенная въ статьяхъ 168 и 59 Мон. уст., указана только для справки, и это указаніе важно только для толкованія такихъ сдѣлокъ, гдѣ не оговорено — по какому курсу участники данной сдѣлки желаютъ произвести уплату золотою монетою. Относительно серебряной монеты этого нельзя: участники сдѣлки не могутъ постановить, что они желаютъ произвести уплату по биржевой цѣнѣ серебра.

Такимъ образомъ статья 59 Мон. уст. существуетъ только для справки, то есть для толкованія такихъ сдѣлокъ, гдѣ идетъ рѣчь о сдѣлкахъ на золотую монету, но не видно прямо, что контрагенты имѣли въ виду золотую монету, а не вообще сумму денежныхъ знаковъ, въ такомъ случаѣ нужно приложить здѣсь толкованіе, которое указано въ статьѣ 1539 т. X. ч. I,

то есть является предположеніе, что они или вовсе не имѣли въ виду золотой монеты и только случайно ее обозначили въ своей сдѣлкѣ, или, если и имѣли въ виду золотую монету, то именно по такому ея курсу, который указанъ въ статьѣ 168 Мон. уст.

Такимъ образомъ, какъ бы то ни было, по наше положеніе таково, что для серебряной монеты существуетъ у насъ полный принудительный курсъ, а для золотой его нѣтъ. Принудительный же курсъ есть не что иное, какъ тотъ-же нарицательный, но только объявленный неподвижнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣнена монетная скѣла. Не смотря на нѣкоторыя дурныя послѣдствія его, можно сказать, что онъ необходимъ, чтобы поддержать устойчивость не цѣны серебра и золота, а устойчивость монетной единицы. Принудительность нарицательнаго курса есть вѣра финансовая; но она имѣетъ и юридическое значеніе. Тѣмъ не менѣе, однако, изъ того, что золотая монета не имѣетъ полного принудительнаго курса, вовсе не слѣдуетъ, чтобы она перестала быть деньгами; она черезъ это не сводится на степень только металлическаго слитка, она все-таки остается монетою, то есть слиткомъ, обработаннымъ для извѣстной цѣли, и отъ приѣма золотой монеты отказываться нельзя, ея приѣмъ обязателенъ, но только по курсу биржевому, или по тарифу, а принимать слитки золота никто не обязанъ. Если такъ, то очевидно, что теорія, по которой съ понятіемъ денегъ будто-бы связана полная принудительность курса, една-ли вѣрна. А тѣмъ болѣе не вѣрна старая теорія, по которой помѣтить на монетѣ такой или иной нарицательный курсъ зависитъ отъ произвола правительства. Это вѣрно развѣ для билона.

§ 6. Наричательный курсъ, когда онъ устанавливается, всегда соответствуетъ металлическому курсу. Конечно, если предполагать честную чеканку. Серебро и золото получаетъ нарицатель-

ный курсъ отъ чеканки правительства; отсюда выходитъ то, что и денежная годность звонкой монеты строго территоріальна; она кончается тамъ, гдѣ кончается регалія правительства, то есть гдѣ кончаются границы даннаго государства. Попадши за предѣлы русскаго государства, наша звонкая монета тотчасъ же переходитъ просто въ слитокъ и дѣлается, можно сказать, даже неудобною за границею, потому что для того, чтобы превратить ее въ товаръ, нужно еще переливать; по этому-то, строго логически говоря, звонкой монетѣ даннаго государства всегда выгоды оставаться дома, потому что, выходя за предѣлы этого государства, она теряетъ свое монетное качество, свой денежный характеръ; такъ должно было бы быть, но на дѣлѣ совсѣмъ не то, на примѣръ русская звонкая монета ушла за границу, чтобы только спастись отъ того обезцѣненія, въ которое увлекли бы ее бумажныя деньги. Также и на-оборотъ, иностранныя металлическія деньги, переходя за предѣлы русскіе, становятся товаромъ; врываясь въ Россію, онѣ становятся слиткомъ. Цѣна иностранной монеты, врывающейся въ Россію, будетъ зависеть отъ цѣны на металлъ въ Россіи. Наше законодательство опредѣлило въ статьѣ 182 Мон. уст., что при сдѣлкахъ денежныхъ платежи должны быть производимы русскими деньгами и кредиторы не обязаны принимать платежи иностранною монетою. Здѣсь опять-таки повторяемъ, что ст. 59 и 168 Мон. уст. имѣетъ только справочный характеръ, а не обязательный; онѣ важны въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется сдѣлка на иностранныя деньги и контрагенты не опредѣлили — по какому курсу они желаютъ, чтобы была произведена уплата; вотъ въ такихъ-то случаяхъ въ этомъ тарифѣ можно справиться, каково отношеніе цѣны русской монеты къ иностранной. Изъ того, далѣе, что иностранная монета, являясь въ Россію, перестаетъ быть деньгами и становится слиткомъ, слѣдуетъ то, что какъ ввозить иностранную монету въ

Россію, такъ и вывозить этотъ товаръ (не деньги) за границу не запрещается (181 и 184 ст. Моп. уст.). Далѣе очевидно, что совершенно возможны всякія сдѣлки внутри Россіи на монеты, какъ на всякій товаръ, все равно, будутъ ли эти монеты русскія или иностранныя, требуется только (въ послѣднемъ случаѣ), чтобы оцѣнка совершалась на русскія деньги. И въ частности въ статьѣ 613 т. XII Векс. уст. опредѣляется, что когда вексель выданъ иностранцемъ изъ-за границы, съ платежѣмъ въ Россію, и сумма означена на иностранную монету, то вексель черезъ это не теряетъ своей дѣйствительности, и когда представляется къ уплатѣ, то уплачивается русскими деньгами, на которыя переводится сумма векселя, обозначенная въ немъ иностранною монетною единицей. Такимъ образомъ звонкая монета имѣетъ свои территоріальныя границы, внутри которыхъ она имѣетъ свое дѣйствіе. Независимо отъ территоріальныхъ границъ, дѣйствіе звонкой монеты, какъ денегъ, имѣетъ границы и во времени, то есть звонкая монета, какъ деньги, теряетъ свой характеръ съ наступленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ: 1) *Отдѣльныя монеты снашиваются*, то есть вслѣдствіе долгаго употребленія, вслѣдствіе постоянного тренія въ рукахъ, монета уменьшается въ вѣсѣ, объемѣ и слѣдовательно не имѣетъ уже того вѣса и достоинства, которые означены на ея штемпелѣ. Очевидно, такое снашиваніе отдѣльной монеты снимаетъ съ нея характеръ денегъ и тѣмъ превращаетъ ее просто въ кусокъ металла, въ товаръ. 2) Такое пониженіе вѣса чистаго металла, заключающагося въ монетѣ, можетъ наступить и вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ, *когда оказывается испорченными не весь родъ монеты, а отдѣльныя монеты, вслѣдствіе того, что при чеканкѣ монеты допущена ошибка*, чистаго металла поступило въ монету меньше, чѣмъ сколько слѣдовало. Такія ошибки неизбежны, какъ-бы ни былъ великъ прогрессъ монетнаго искусства, и до извѣстной степени

ихъ оправдываетъ, допускаетъ самъ законъ. На этой степени, на какой она допущена, ошибка не снимаетъ съ монеты характера денегъ, это такъ называемый въ Монетномъ уставѣ *remedium* или, какъ переводить тотъ-же Монетный уставъ, *терпимость*. Монета, сношенная ли, или испорченная при чеканкѣ за предѣлы терпимости, монета, вѣсѣ которой не отвѣчаетъ монетной скѣлѣ, очевидно, тѣмъ самымъ превращается въ обыкновенный кусокъ металла, дѣлается товаромъ; съ нимъ можно дѣлать всякія превращенія, можно перелить его, чего съ монетою сдѣлать нельзя—это строго запрещено нашимъ закономъ. Но можетъ оказаться испорченными весь родъ монеты, вся звонкая монета того или другаго рода, хотя быть можетъ въ массѣ всей обращающейся монеты этого рода и попадаются отдѣльныя монеты надлежащаго вѣса, но и послѣднія заподозрѣны, заурядъ со всѣмъ родомъ лишены довѣрія. Главная причина, которая можетъ вызвать такую порчу всего рода—это поддѣлка, фальсификація, рѣдкая при системѣ звонкой монеты, необходимый спутникъ бумажныхъ денегъ. Прежде такая порча происходила и отъ другой причины, дѣйствовавшей особенно въ прежнее время какъ въ Россію, такъ и въ другихъ государствахъ, это недобросовѣстность правительства при чеканкѣ монеты. Но теперь это вышло изъ употребленія, потому что не представляетъ никакой пользы и для самаго правительства; положимъ правительство выпуститъ дурную монету, но вѣдь она-же будетъ опять поступать къ нему въ видѣ платежей, налоговъ и прочее. Когда весь родъ монеты испорченъ, единственнымъ средствомъ исправить это является перечеканка, которой обыкновенно предшествуетъ законодательный актъ (манифестъ или парламентскій актъ—все равно), извлекающій попорченный родъ монеты изъ обращенія и тѣмъ снимающій съ него характеръ денегъ. Но до тѣхъ поръ, пока не состоялся такой законодательный актъ, до того дня,

пока онъ не обнародованъ, хотя-бы всѣмъ было извѣстно, что данная обращающаяся монета дряннаго свойства, не смотря на это, такая звонкая монета должна считаться деньгами, должна имѣть принудительный курсъ, конечно въ томъ случаѣ, если-бы этому роду вообще былъ присвоенъ принудительный курсъ, чего не будетъ въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ дѣло съ такою звонкою монетою, которая не представляетъ монетной системы, какъ напримѣръ, золотая монета при серебряной системѣ; въ такомъ случаѣ разъ попортится весь родъ такой монеты, порча эта повлечетъ только упадокъ ея курса, ея цѣны по отношенію къ серебряной монетѣ, такъ что, пожалуй, она и сама собою исчезнетъ изъ обращенія.

§ 7. При перечеканкѣ извѣстнаго рода монеты правительство можетъ воспользоваться этимъ для того, чтобы перейти къ другой монетной скалѣ, то есть, удержавши ту-же монетную систему, правительство можетъ изъ даннаго количества чистаго металла чеканить большее или меньшее количество монетъ, чѣмъ чеканилось прежде. Напримѣръ, изъ фунта чистаго серебра должно чеканиться столько монетъ, сколько получится отъ раздѣленія фунта на 4 золотника 21 долю, и вотъ перемѣна монетной скалы можетъ состоять или въ томъ, что изъ фунта чистаго серебра будетъ чеканиться болѣе монетъ, чѣмъ прежде, то есть вмѣсто, положимъ, 30, какъ было прежде, правительство станетъ чеканить 40 монетъ; монеты въ такомъ случаѣ будутъ легче и меньше; или на-оборотъ перемѣна монетной скалы будетъ состоять въ томъ, что правительство станетъ чеканить меньше монетъ, чѣмъ прежде, то есть, положимъ, вмѣсто 30, какъ прежде, 25 монетъ, и понятно, что эти новыя монеты будутъ полновѣснѣе. Такимъ образомъ *монетная скала можетъ быть или повышена, или понижена.* Возьмемъ сначала первый случай, то есть, когда монетная скала будетъ повышена, когда, слѣдовательно, новая монета бу-

детъ полновѣснѣе, названіе же между тѣмъ остается то-же самое, напримѣръ, все-таки будетъ рубль. При этомъ случаѣ возникаетъ прежде всего слѣдующій юридическій вопросъ: какъ быть съ платежами по такимъ юридическимъ сдѣлкамъ, резонъ которыхъ наступилъ при дѣйствіи прежней монетной скалы и до введенія новой? Во 1) платежи по денежнымъ обязательствамъ, съ самаго своего возникновенія, гласившимъ на опредѣленную сумму, то есть на сумму монетныхъ единицъ, какая бы тамъ монета ни была, напримѣръ вексель, выданный при дѣйствіи прежней монетной скалы, на 100 рублей, — тутъ обязательство съ самаго момента своего возникновенія гласитъ на опредѣленную сумму денегъ, а какой родъ, видъ монеты будетъ доставленъ по этому векселю, какія будутъ эти 100 монетныхъ единицъ (монетная единица есть понятіе идеальное), это все равно. Спрашивается, какъ-же удовлетворить такія обязательства, которыя возникли при дѣйствіи одной монетной скалы, а платежи по нимъ наступилъ при дѣйствіи другой, повышенной скалы? Очевидно, что здѣсь необходимо обратиться къ уравненію монетъ чисто металлическому, то есть въ нашемъ примѣрѣ для того, чтобы удовлетворить вексель, выданный при дѣйствіи прежней монетной скалы, новою монетою, которая полновѣснѣе: очевидно остается доставить кредитору по нашему векселю столько штукъ новой звонкой монеты, чтобы металлическій вѣсъ всѣхъ ихъ равнялся бы металлическому вѣсу (въ нашемъ примѣрѣ) 100 прежнихъ серебряныхъ рублей, чтобы кредиторъ непременно получилъ 100×4 золотника 21 долю, потому что, очевидно, заставить должника по такому обязательству, которое возникло въ то время, когда дѣйствовала прежняя монетная скала, уплатить новою полновѣсною монетою на томъ только основаніи, что она такъ-же называется, какъ и старая (рублемъ), было бы въ высшей степени несправедливо, потому что это значило бы заставлять должника доставить кредитору со-

вершено незаконный профитъ, это значить эксплуатировать его. Обыкновенно, для устраненія всякаго недоразумѣнія, при переходѣ отъ одной монетной скалы къ другой, правительство прибѣгаетъ къ публикаціи тарифа, опредѣляющаго отношеніе цѣнъ между новою и старою монетою, такъ-что изъ тарифа видно, сколько нужно заплатить для того, чтобы количество новой монеты отвѣчало количеству старой.

Теперь возьмемъ другой случай, *когда монетная скала будетъ понижена*; здѣсь мы увидимъ обратное явленіе: если въ первомъ случаѣ, когда монетная скала повышалась, мы прибѣгали къ уравниенію металлическому *въ интересахъ должника*, то здѣсь должны прибѣгать къ тому-же способу *въ интересахъ кредитора*, потому что также было бы несправедливо, если-бы должникъ, придираясь къ одинаковости названія новой и старой монеты и игнорируя разницу въ количествѣ металла, входящаго въ новыя и старыя монеты, могъ бы заставить кредитора получить по обязательству, возникшему при дѣйствіи прежней монетной скалы, одинаковое количество новыхъ монетныхъ кусковъ, но неодинаковое по вѣсу содержащагося въ нихъ чистаго металла. Опять и въ этомъ случаѣ, при пониженіи монетной скалы, правительство публикуетъ тарифъ, въ которомъ въ каждомъ данномъ случаѣ можно справиться относительно металлическаго уравниенія старой и новой монеты. Изъ этого видно, что тарифъ, издаваемый правительствомъ, имѣетъ только справочный характеръ; но онъ можетъ получить и обязательный характеръ тамъ, гдѣ правительство считаетъ себя въ правѣ рѣзко вторгаться въ экономическія отношенія своихъ подданныхъ. Если-же тарифъ получаетъ характеръ безусловный, въ такихъ случаяхъ никто не можетъ опредѣлять отношеніе новой монеты къ старой иначе, какъ это опредѣлено въ тарифѣ; но такое значеніе тарифа нужно принимать только въ крайнихъ случаяхъ, когда оно ясно слѣдуетъ изъ текс-

та закона, когда законъ прямо придастъ тарифу безусловный характеръ, въ противномъ случаѣ онъ имѣетъ только справочный характеръ. И нужно припомнить времена Конвента, чтобы понять, откуда ведетъ свое начало напр. теорія Code Napoleon, по которой выходитъ, что при измѣненіи монетной скалы (все равно, въ чемъ бы оно ни состояло) новая монета является совершенно равною и покрывающею собою платежи по обязательствамъ, возникшимъ при дѣйствіи прежней монетной скалы, только что здѣсь, очевидно, всегда будетъ конфискація и при томъ конфискація однихъ въ пользу другихъ; будь это еще въ пользу казны, тогда — понятно, но за что конфисковать часть изъ имущества кредитора въ пользу должника, или наоборотъ? Государственные резоны этому врядъ-ли существуютъ.

Далѣе, юридическій вопросъ возникаетъ въ томъ разѣ, когда измѣняется не монетная скала, а самая монетная система, то есть, когда на будущее время объявляется монетною единицею цѣна опредѣленнаго слитка, но другого металла, а не того, который дѣйствовалъ прежде; напримѣръ если-бы у насъ, вмѣсто серебрянаго рубля, монетная единица была взята изъ золотого рода и если-бы въ статьяхъ 58, 163 Мон. уст., въ статьяхъ 1540, 1542 т. X вмѣсто того (что тамъ сказано), что у насъ, въ Россіи монетною единицею служить серебряный рубль, было бы поставлено, что отнынѣ такою монетною единицею будетъ золотой полуимперіаль. Этотъ переходъ къ другой монетной системѣ приводитъ опять къ тѣмъ-же юридическимъ вопросамъ, какъ и при перемѣнѣ монетной скалы, то есть и здѣсь, при платежѣ по обязательствамъ, резонъ которыхъ возникъ прежде, которыя гласили съ самаго своего начала на опредѣленную сумму денегъ, должно прибѣгать къ тому-же самому металлическому уравниенію; вопросъ только въ томъ, изъ какого момента времени исходить при такомъ переходѣ монетной системы? Возьмемъ гипотезу; положимъ, что у насъ въ

Россія совершается переходъ монетной системы, монетная единица берется изъ золотого рода и ею объявляется золотой полумпериаль. Спрашивается, какъ быть съ тѣми договорами, которые возникли прежде, когда дѣйствовала серебряная монетная система и когда вознагражденіемъ этой монетной единицы былъ серебряный рубль? Чтобы произвести платежъ по этимъ договорамъ новою монетою, необходимо пристроить наше металлическое уравненіе на томъ отношеніи, которое существовало на биржѣ въ тотъ день, когда возникъ договоръ, или можно взять другой моментъ и исходить при установленіи нашего металлическаго уравненія изъ того отношенія, которое имѣетъ цѣна двухъ металловъ, золота и серебра, на биржѣ, но уже въ другой моментъ, въ день производства платежа или въ день объявленія судебного приговора (если дѣло дойдетъ до суда), а не въ моментъ, когда возникло обязательство. И теперь спрашивается, какой изъ этихъ двухъ моментовъ выбрать? Этотъ вопросъ можно рѣшить на основаніи общихъ началъ оцѣннѣ интереса обязательства, когда послѣднее не исполнено доставленіемъ предмета, на который обязательство было направлено. День, на который падаетъ срокъ исполненія, а для безсрочныхъ, — день, въ который кредиторъ потребуетъ исполненія, и есть день такой оцѣнки. Кредитору должно быть доставлено все, что онъ имѣлъ бы, будь его долговое право удовлетворено своевременно. Слѣдовательно, по примѣненію къ упомянутому вопросу, рѣшеніемъ будетъ — принять за основу всего расчета взаимную цѣну обоихъ металловъ въ день, когда обязательство должно было быть исполнено своевременно. Но и здѣсь тоже, и еще чаще, является тарифъ, который играетъ такую-же службу, какъ и при переходѣ отъ одной монетной скалы къ другой.

Но все сказанное выше относится только къ денежнымъ обязательствамъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, то есть къ тѣмъ,

которые съ самаго начала гласятъ на опредѣленную сумму денегъ, и слѣдовательно не относятся къ тѣмъ обязательствамъ, которые также могутъ быть названы денежными, но которые не гласятъ съ момента своего возникновенія на опредѣленную сумму денегъ; таковы между прочимъ обязательства, возникающія изъ поврежденія чужаго имущества, которое (поврежденіе) совершилось при дѣйствіи прежней монетной скалы или монетной системы. Напримѣръ такое обязательство: я подтопилъ лугъ моего сосѣда; отсюда является обязательство вознаградить его вредъ и убытки; только послѣ судебного разбирательства, послѣ рѣшенія суда, которымъ судебная власть опредѣляетъ количество убытковъ, будетъ фиксирована должная къ уплатѣ сумма. При такого рода обязательствахъ, если пробѣлъ, то есть неопредѣленность ихъ со стороны количества денегъ, будетъ пополняться при дѣйствіи новой монетной системы, то судъ при оцѣнкѣ убытковъ примѣняетъ новую монетную систему или монетную скалу, и обращается къ вопросу, сколько нужно было бы доставить по прежней монетной системѣ, судъ уже не имѣетъ резона. Тѣмъ болѣе нѣтъ надобности строить металлическія уравненія въ томъ случаѣ, если идетъ рѣчь объ обязательствахъ, возникшихъ при дѣйствіи прежней монетной системы договорнымъ путемъ, но направленныхъ не на деньги, а на доставленіе другихъ предметовъ или труда; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ денежными обязательствами, а съ товарными — что ли, но которые опять-таки могутъ быть обращены въ денежные, — если срокъ наступилъ, а товаръ не доставленъ, тогда неисполненіе обязательства можетъ превратить его изъ товарнаго въ денежное. Въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого резона, при опредѣленіи количества денежнаго взысканія за неисполненіе обязательства, обращать вниманіе на то отношеніе, которое существуетъ между новою и старою монетою; судъ будетъ имѣть дѣло только съ новою системою, не обращая вниманія на то,

сколько нужно было бы взыскать съ неисполнителя по старой системѣ, больше или меньше. Эта разница, которая существуетъ между денежными обязательствами въ строгомъ смыслѣ слова, то есть гласящими съ момента своего возникновенія прямо на опредѣленную сумму денегъ, и другими обязательствами, хотя тоже денежными, но которыя не возникаютъ прямо на сумму денегъ, а также обязательствами, которыя изначала не возникаютъ на деньги ни опредѣленно, ни неопредѣленно, но могутъ стать денежными вслѣдствіе ихъ неисполненія, — такая разница выводится изъ важнаго принципа, заключающагося въ слѣдующемъ: *во всѣхъ случаяхъ, когда приходится отрѣшиться отъ нарицательнаго и даже принудительно-нарицательнаго курса известнаго сорта монетъ, словомъ, когда нужно вести рѣчь о цѣнѣ монеты только какъ металла, во всѣхъ этихъ случаяхъ съ юридической точки зрѣнія важно только одно — цѣна, какую можетъ имѣть тотъ или другой металлъ по отношенію къ другому, золото по отношенію къ серебру, или наоборотъ (въ данный моментъ времени); такъ-что съ юридической точки зрѣнія никогда не можетъ зайти рѣчь объ отношеніи цѣны денегъ къ цѣнамъ товаровъ. Колебанія цѣны денегъ, заключаемыя изъ колебанія цѣны на товары, навсегда устранены изъ юридическихъ соображеній, какъ ни на что здѣсь ненужныя; если-бы мы вздумали пускаться въ рѣшеніе такихъ вопросовъ, въ какомъ отношеніи была тогда-то цѣна золота къ цѣнѣ шерсти, скота, сала и прочее, то мы никогда не выбрались бы изъ подобнаго лабиринта; вотъ почему судъ не въ-правѣ пускаться въ металлическое уравненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда обязательство не гласитъ на опредѣленную сумму денегъ, или, еще больше, когда, возникая, оно направлено на что-нибудь другое, а потомъ уже переходитъ въ денежное. Словомъ, для насъ, юристовъ, вовсе не важно знать, что 50 лѣтъ тому назадъ о-*

предѣленный кусокъ металла, носящій известное названіе, стоилъ столько-то въ томъ смыслѣ, что за него давали столько скота, сала, шерсти и прочее, а сколько онъ стоилъ въ переводѣ на другой металлъ; все равно какъ для насъ можетъ быть важно знать, сколько онъ стоитъ *теперь* по отношенію къ другому металлу, сколько за него можно добыть *теперь* золота или серебра и опять-таки не важно знать, сколько за него можно добыть скота, шерсти и прочее, — это для насъ все равно.

§ 8. Что такое лигатура? Лигатура состоитъ въ томъ, что весь вѣсъ каждой отдѣльной монеты состоитъ не изъ одного только чистаго металла того или другаго рода, золота или серебра, а есть еще подмѣсь какого-нибудь грубаго, неблагороднаго металла; вотъ эта подмѣсь и называется лигатурой, а процентное отношеніе чистаго металла къ подмѣси, къ *грубой, неблагородной составной части монеты называется пробой или достоинствомъ*. Это процентное отношеніе опредѣлено закономъ (напримѣръ $83\frac{1}{2}$ проба), для звонкой монеты оно ниже, для билонной очень высоко (напримѣръ 48 проба).

Послѣ этого нужно добавить нѣкоторыя юридическія положенія: во 1) *Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ слѣдуетъ, что деньги не знаки, не марки, какъ часто ихъ называютъ въ брошюрахъ и даже трактатахъ, авторы которыхъ въ гонѣбѣ за «общими законами» черезчуръ стремятся все обобщать. Деньги не знаки, не мѣтки, не расчетныя марки, а вещи, — это — движимость, цѣнная своею собственною цѣнностью, цѣнная изъ-за того матеріала, изъ котораго она сдѣлана. Эта движимость въ высшей степени нераспознаваема. Деньги составляютъ такую движимость, которая всего чаще фигурируетъ между частными лицами и правительствомъ, какъ количество, такъ-какъ ея движеніе, обращеніе — въ томъ, что она считается или взвѣшивается, потому что, напримѣръ, въ большихъ торго-*

выхъ домахъ часто невозможно бываетъ сосчитать всѣхъ денегъ, поступившихъ въ продолженіи цѣлаго дня въ кассу, и вотъ поэтому, чтобы сосчитать всѣ деньги, поступившія въ продолженіе дня, поступаютъ такъ: въ концѣ дня взвѣшиваютъ всю звонкую монету одного рода, полученный вѣсъ дѣлятъ на вѣсъ отдѣльной монеты, тѣмъ самымъ и опредѣлится сумма всѣхъ денегъ, поступившихъ въ кассу. Въ англійскомъ банкѣ тоже не считаютъ, а взвѣшиваютъ, хотя здѣсь и по другому основанію: поступающую къ нему звонкую монету банкъ третируетъ какъ слитки, игнорируя ея денежный характеръ. Спрашивается, предметомъ какихъ юридическихъ отношеній могутъ быть деньги? Очевидно, если деньги не фискація, если они не знаки, не марки, то они могутъ быть предметомъ всѣхъ тѣхъ юридическихъ отношеній, предметомъ которыхъ можетъ являться всякая движимость, и въ-частности къ деньгамъ можно также приложить статью 534 т. X, ч. I.

«Движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣть, доколѣ противное не будетъ доказано», гласитъ статья 534 т. X, ч. I. Эта статья распространяется на *всякую* движимость въ собственномъ смыслѣ, то есть, какъ наличность, а не на тѣ составныя части имущества, которыя вѣдѣнія на движимость и недвижимость, какъ напримѣръ закладная, вексель и т. д. Если-же статья 534 распространяется на *всякую* движимость, то, очевидно, что и деньги могутъ быть также предметомъ владѣнія, то есть не вообще, не *in abstracto*, какъ сумма монетныхъ единицъ, а *in concreto*, какъ отдѣльныя монеты, какъ штуки. За-тѣмъ, слѣдовательно, какъ отдѣльная монета, деньги могутъ быть и предметомъ права собственности. Тотъ считается собственникомъ данной движимой вещи, кто ею владѣть, говоритъ статья 534, значитъ тотъ фактически теряетъ право собственности, кто теряетъ право владѣнія; такая зависимость права собственности отъ владѣнія

есть результатъ нераспознаваемости движимыхъ вещей вообще и денегъ въ-особенности: если та или другая монета, которая была въ моемъ владѣніи, стащена, украдена, наследитъ мое право собственности на нее обыкновенно ужъ нѣтъ никакой возможности; оно теряется на-вѣки, потому что отдѣльная монета не носитъ на себѣ никакихъ индивидуальныхъ признаковъ и нельзя доказать тождество данной монеты съ тою, которую я потерялъ. Но если-бы можно было сдѣлать такое рѣдкое предположеніе, что тотъ или другой кусокъ металла, какъ отдѣльная монета, могъ быть индивидуализированъ и слѣдовательно всегда фактически возможно доказать тождество этого куска съ утеряннымъ, тогда, конечно, возможна было бы и *vindicatio*, то есть собственникъ такой монеты могъ бы отыскивать ее у всякаго, у кого бы она ни оказалась. Только дѣло въ томъ, что такая индивидуализація монеты почти совсѣмъ невозможна; она будетъ портить монету, что строго запрещено закономъ. Такимъ образомъ *деньги по преимуществу есть такая движимость, которая въ высшей степени нераспознаваема.*

§ 8. Деньги, какъ отдѣльныя штуки, могутъ быть предметомъ не только права собственности, но и другихъ вещныхъ правъ, напр. — права залога пользованія. Можно заложить полумперіаль, но только съ тѣми-же послѣдствіями, которыя мы сей-часъ вывели, то есть въ случаѣ, если эта монета, находящаяся въ залогѣ, уйдетъ, будетъ украдена, то наследитъ ее фактически невозможно, потому что она нераспознаваема. Далѣе, монета можетъ быть предметомъ ссуды, отдачи на храненіе. Но только замѣтимъ, что всѣ подобныя отношенія, какъ владѣніе, право собственности, отдача въ залогъ, отдача въ ссуду по отношенію къ деньгамъ не прочны, именно изъ-за этого характера нераспознаваемости. Я захожилъ, положилъ, ростовщику монеты, но онъ ихъ потерялъ; въ такомъ случаѣ я могу

искать съ него только убытки, но самихъ монетъ, отданныхъ мною въ залогъ, отыскать уже невозможно; онѣ для меня потеряны на-всегда. Дѣйствіе, которое по отношенію къ другимъ движимостямъ называется или передачею, или, какъ нашъ X-й томъ называетъ, врученіемъ (напримѣръ, товаръ изъ повозки перекладывается въ складъ—это будетъ врученіе, то есть передача владѣнія), по отношенію къ деньгамъ, на языкѣ коммерческаго называется отсчитываніемъ или счетомъ, или взвѣшиваніемъ, потому что деньги могутъ быть сосчитаны и по-средствомъ взвѣшиванія. Для денегъ, какъ звонкой монеты, болѣе чѣмъ для какой другой движимости, имѣть мѣсто та особенность, что отсчитываніе и отвѣшиваніе—здѣсь совершенно могутъ быть равнозначительны, результатомъ одного дѣйствія дается, опредѣляется и результатъ другого. Конечно, здѣсь предполагается, что идетъ дѣло о монетѣ, не потерявшей своего вѣса. Кромѣ того, нужно замѣтить, что звонкая монета, собранная въ одну оболочку, можетъ быть отчасти черезъ это индивидуализирована. И такъ, мы уже сказали, что право собственности на звонкую монету не надежно, но за-то, если это право собственности и искъ, который названъ *vindicatio*, обыкновенно затруднителенъ относительно денегъ, то по отношенію къ деньгамъ, какъ и къ другимъ нераспознаваемымъ движимостямъ, имѣть мѣсто другой искъ, который сильно возмѣщаетъ затруднительность иска въ видѣ *vindicatio*; этотъ искъ называется *condictio*, то есть въ томъ случаѣ, если мое право собственности на известную сумму монетъ погибло по винѣ того или другого лица, которое уничтожило или растратило ихъ какимъ-нибудь образомъ, или просто украло, и такимъ образомъ отняло у меня фактическую возможность владѣнія, тогда является, взаимно иска *vindicatio*, искъ—*condictio*, который состоитъ въ томъ, что съ лица, виновнаго въ растратѣ, въ прекращеніи моего права собственности, можно взыскать сумму

денегъ, именно какъ-разъ такую, которую представляли собою тѣ отдѣльныя монеты, на которыя погибло мое право собственности. Напримѣръ, я отдалъ известному лицу на сохраненіе определенное количество звонкой монеты, но по винѣ этого лица (вина здѣсь употребляется въ цивилистическомъ смыслѣ этого слова и одинаково означаетъ, что известное лицо не приняло мѣръ, не сберегло по своему нерадѣію) онѣ пропали, такъ-что нельзя ихъ отыскать, тогда виновное лицо будетъ отвѣчать въ силу *condictio* и будетъ обязано доставить такую сумму другихъ монетъ, которая по нарицательному или по биржевому курсу (смотря по тому, будетъ ли это золотая или серебряная монета) представляла бы ту-же самую сумму денегъ, какую я отдалъ на сохраненіе. То-же самое можно сказать и относительно ссуды. Словомъ, дается возможность отыскать не самыя штуки, а сумму денегъ съ виновнаго въ тѣхъ, что мои монеты обѣжали, не могутъ быть распознаны, наслѣдить ихъ нельзя. Этотъ искъ возможенъ не только въ упомянутыхъ случаяхъ, но и при воровствѣ; напримѣръ, воръ укралъ у меня серебряный рубль, какъ отдѣльную монету; при обыскѣ у него, этого рубля не оказалось, тогда мнѣ остается только *condictio*, то есть взыскать съ него ту сумму денегъ, которую представляла украденная монета.—До сихъ поръ мы говорили только о звонкой монетѣ, находящейся въ обращеніи, и не упоминали о монетѣ, вышедшей изъ употребленія, потому что послѣдняя для насъ не имѣетъ значенія денегъ: она—не что иное, какъ товаръ; быть можетъ, такая, вышедшая изъ употребленія, монета, будетъ очень дорога, если, напримѣръ, она древняя, рѣдкая монета, но ея дороговизна обуславливается ея рѣдкостью, иначе она стоила бы столько-же, сколько стоитъ равновѣсный и равнокачественный съ нею слитокъ одного съ нею металла. Относительно послѣдняго рода монетъ мы находимъ постановленіе въ приложеніи къ статьѣ 538 т. X, ч. 1 въ § 3, 8, и въ-особенности въ

§ 16, гдѣ, между прочимъ, находится важное указаніе для того, чтобы опредѣлить, какія монеты, найденныя на извѣстномъ участкѣ земли, считать кладомъ, принадлежащимъ собственнику этого поземельнаго участка, и какія монеты должны быть доставлены правительству. Изъ этого параграфа слѣдуетъ, что монета рѣдкая, древность которой заходитъ за XIII столѣтіе, должна считаться какъ-бы находкой и должна быть доставляема правительству, которое выдаетъ за нее вознагражденіе; тѣ же монеты, которыя ближе XIII столѣтія, считаются кладомъ и составляютъ, значитъ, собственность хозяина поземельнаго участка. Деньги, какъ мы сказали, могутъ быть предметомъ различнаго рода обязательствъ и главнымъ образомъ обязательствамъ денежныхъ, гласящихъ съ самаго начала на опредѣленную сумму денегъ; но деньги могутъ фигурировать въ обязательствахъ и съ другой стороны. Предметомъ обязательства можетъ быть количество монетъ опредѣленнаго рода, напримѣръ обязательство доставить 100 серебряныхъ рублей, какъ штукъ металлическихъ (§ 4 ст. 541 Уст. вѣк.), тогда мы имѣемъ общее, генерическое обязательство; главный, коренной признакъ такого обязательства состоитъ въ томъ, что исчезновеніе предмета такого обязательства весьма затруднительно и считается почти невозможнымъ. Но границы *genus'a* могутъ быть стянуты нѣсколько уже; такъ, возьмемъ статью 1086 т. X, ч. 1, гдѣ говорится, что завѣщатель можетъ обязывать своихъ наследниковъ, впрочемъ на время ихъ жизни, денежными выдачами, когда дѣлаетъ распоряженіе о своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи. Положимъ, мы имѣемъ передъ собою такого рода завѣщаніе, гдѣ завѣщатель возлагаетъ на своего наследника обязанность дать лицу *A* 100 рублей изъ тѣхъ денегъ, которыя находятся въ его бюро; послѣ смерти его оказывается въ бюро больше денегъ; очевидно, мы имѣемъ здѣсь *genus*, но стянутый въ своихъ предѣлахъ посредствомъ завѣщанія. Такъ-

какъ, по смыслу завѣщательнаго распоряженія, завѣщатель имѣлъ въ виду доставить 100 штукъ изъ того количества монетъ, которыя у него находились въ бюро, то послѣдники обязаны доставить эту сумму лицу *A*; напротивъ того, въ случаѣ, если бы въ бюро послѣ смерти завѣщателя вовсе не оказалось денегъ, тогда, конечно, отказъ, *legatim*, теряетъ свою силу, потому что исчезъ, или вообще не существуетъ тотъ *genus*, границы котораго были опредѣлены здѣсь волею завѣщателя. Другой случай: послѣ смерти завѣщателя наследники нашли въ бюро деньги, но потому онѣ какимъ-то образомъ были бы украдены, прежде, чѣмъ наследники успѣли отдать лицу *A* отказанную ему сумму монетъ; здѣсь опять лицо, получившее отказъ, ничего не получить, конечно, только въ такомъ случаѣ, если въ этой пропажѣ не былъ виновенъ самъ наследникъ; въ противномъ случаѣ, если пропaja произошла по небрежности, по винѣ наследниковъ, напримѣръ, если они не заперли бюро, когда уходили, но открыли его, и во время ихъ отсутствія произошла пропaja, въ такомъ случаѣ, естественное дѣло, наследники должны отвѣчать, потому что причиною пропажи была ихъ небрежность, которая и налагаетъ на нихъ обязанность вознаградить убытки; причиною пропажи было упущеніе, слѣдовательно въ нашемъ примѣрѣ мы имѣемъ полное право сказать на основаніи статьи 684 т. X, ч. 1, гдѣ говорится объ упущеніи, что наследникъ обязанъ отвѣчать передъ лицомъ *A*, потому что воровство случилось по его винѣ. Значитъ, если предметомъ обязательства взяты хотя и монеты, но какъ *genus*, какъ монеты извѣстнаго рода, чеканки, въ такомъ случаѣ, очевидно, будутъ являться другія юридическія послѣдствія. Звонкая монета, разъ она не искажена регалией, то есть разъ правительство, которое чеканитъ ее, помѣчаетъ ту цѣну, которая если и несовершенно равняется цѣнѣ монеты, какъ металла, то все-таки близко подходитъ къ ней, не отклоняясь отъ монетной е-

диницы далѣе предѣломъ терпимости (remedium), составляетъ самое лучшее орудіе обращенія, служить самымъ лучшимъ измѣрителемъ всевозможныхъ цѣнностей.

§ 9. Деньги составляютъ лучшее орудіе обращенія потому, что ихъ всѣ желаютъ; онѣ—самый удобный измѣритель цѣнностей, потому что, какъ извѣстно изъ политической экономіи, цѣна денегъ, которая опредѣляется цѣною самаго матеріала, подлѣжитъ менѣе цѣны всякаго другаго товара колебаніямъ. Конечно, можно отступить и отъ системы звонкой монеты, то есть можно замѣнить ее чѣмъ-нибудь другимъ, но только на-время и подъ тѣмъ условіемъ, чтобы замѣняющему суррогату не былъ насильственно приданъ характеръ денегъ; если же подобное отступление является вслѣдствіе того, что совсѣмъ не оказывается звонкой монеты, если этими суррогатами хотѣтъ замѣнить звонкую монету, то есть хотѣтъ замѣнить металлическую дѣйствительность папирною фикціей, въ такомъ случаѣ наступаютъ два обыкновенныхъ послѣдствія: возвышеніе цѣнъ и обезцѣненіе монетной единицы. А каковы послѣдствія этихъ послѣдствій,—это лучше извѣстно экономистамъ, да до нихъ это прямо и относится. Такимъ образомъ юридическія стороны ученія о звонкой монетѣ просты: во 1) нужно отличать монетную единицу; во 2) нужно отличать звонкую монету, выражающую монетную систему данной страны отъ звонкой монеты другаго рода (у насъ—серебряную монету отъ золотой), именно потому, что первая имѣетъ полный принудительный курсъ, а вторая неполный. Такимъ образомъ мы различаемъ принудительный курсъ полный и неполный. Полная принудительность дѣйствуетъ въ трехъ отношеніяхъ: звонкая монета, имѣющая полный принудительный курсъ, имѣетъ обязательный пріемъ противъ самаго правительства, то есть и правительство во всѣхъ платежахъ, которые ему слѣдуетъ получать, принимаетъ ее по той именно цѣнѣ, которая помѣчена имъ самымъ на штемпелѣ. Да-

лѣе, полная принудительность нарицательной цѣны извѣстной монеты заключается въ томъ, что она принудительна, и притомъ какъ въ отношеніяхъ между частными лицами, такъ и въ отношеніяхъ правительства къ частнымъ лицамъ; т. е. когда послѣднимъ надлежатъ платежи отъ правительства, то они обязаны принимать извѣстный родъ монеты не только какъ деньги, но и по ихъ нарицательному курсу. И такъ, въ томъ случаѣ, если извѣстная звонкая монета имѣетъ полный принудительный курсъ, то, какъ противъ правительства, такъ и въ отношеніяхъ между частными лицами, пріемъ ее обязателенъ не только какъ денегъ, но и по ея нарицательному курсу.—Теперь скажемъ о неполной принудительности курса. Если въ основанія монетной системы лежитъ родъ серебряный, а не золотой (какъ это и есть въ Россіи), то разница здѣсь будетъ та, что золотая монета не имѣетъ полного принудительнаго курса, а только неполный; а это выражается въ томъ, что никакой кредиторъ, будетъ ли это правительство или частныя лица, не можетъ отказать отъ платежа золотомъ монетой, но только—по ея биржевому курсу. Конечно, если должникъ будетъ навязывать кредитору слитки золота, тогда послѣдній не обязанъ принимать ихъ; но если эти слитки извѣстнымъ образомъ штемпелеваны, то онъ не можетъ отказать отъ пріема ихъ, слѣдовательно золотая монета имѣетъ принудительный курсъ, но опять-таки, повторяемъ, пріемъ ее обязателенъ только по биржевому курсу, т. е. по тому, какой она имѣетъ на биржѣ. Далѣе, въ 3) юридическая природа всякой звонкой монеты состоитъ въ томъ, что дѣйствіе ея имѣетъ территоріальныя границы и границы времени; въ 4) юридическая особенность звонкой монеты состоитъ въ томъ, что это—движимость, и притомъ въ высшей степени нераспознаваемая, играющая такую же роль, какъ и всякая другая движимость; деньги—это вещи, а не кредитные знаки; въ 5) деньги не то, что «денеж-

ные суррогаты», не имѣющіе самостоятельной цѣнности, это ко-ренное различіе—прямое слѣдствіе того, что деньги не что иное какъ тотъ-же металлъ, только оформленный извѣстнымъ обра-зомъ правительствомъ, а безъ этого вся звонкая монета была бы просто металломъ. Денежный характеръ звонкой монеты придается ей юридическою нормой, то есть теперь—общимъ го-сударственнымъ закономъ, но были времена, когда такое зна-ченіе деньгамъ придавалъ обычай (напримѣръ, въ прежнія вре-мена въ Италіи, Франціи, Германіи). Но подъ всеѣми этими свойствами, если идти рѣчь о звонкой монетѣ доброкачествен-ной, лежитъ реальная основа—это самый матеріалъ, изъ кото-раго сдѣлана звонкая монета; вотъ почему даже полный при-нудительный курсъ, который признается у насъ, въ Россіи, по отношенію къ серебрянымъ деньгамъ, изъ всѣхъ свойствъ — наиболѣе производное, не причиняетъ особенной бѣды, если только не сводитъ звонкую монету къ фикціи, къ чисто услов-нымъ знакамъ, если она черезчуръ не отклоняется отъ цѣны этой-же монеты, какъ металла. Извѣстно, какъ возникаетъ на-рицательный курсъ: сначала онъ совершенно или почти соот-вѣтствуетъ металлическому, послѣ же нѣсколько отклоняется отъ него; но все-таки правительство сохраняетъ этотъ нарица-тельный курсъ, разъ установленный, на болѣе или менѣе про-должительное время. Значитъ, это несоотвѣтствіе нарицатель-ной цѣны съ металлическою, возникающее впослѣдствіи, есть не что иное, какъ результатъ устойчивости монетной скалы и сохраненія неизмѣняемою принятой монетной единицы.

§ 10. Всѣ эти свойства и главнымъ образомъ самое про-извольное изъ нихъ—нарицательный принудительный курсъ пе-реходятъ на другіе суррогаты денегъ. Спрашивается, какіе же эти суррогаты? Между ними, какъ переходная ступень къ бу-дущимъ деньгамъ, стоятъ такъ называемыя бilonныя деньги. Это—монета разнѣнная, какъ называетъ ее статья 64 Мон.

уст. Ея характеръ можно опредѣлить въ короткихъ чертахъ: бilonныя деньги есть не что иное, какъ подраздѣленія монет-ной единицы данной страны (у насъ серебрянаго рубля)— $\frac{1}{10}$ (а прежде была $\frac{1}{4}$ часть серебрянаго рубля, — она уже те-перь не чеканится) $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ и т. д. Эти подраздѣленія мо-нетной единицы *представляются, но не заключаются*, нари-цательною цѣной того куска металла, изъ котораго онъ сдѣ-ланъ; дѣлаются же онъ или изъ благороднаго металла, но съ болѣе сильною лигатурою (въ какомъ %—это дѣло правитель-ства), чѣмъ какая указана для звонкой монеты, положимъ не 10%, а 20; или же бilonная монета чеканится изъ грубаго неблагороднаго металла: жѣди, цинка, никеля или какихъ-нибудь другихъ. Очевидно, что и бilonная монета есть тотъ-же металлическій кусокъ, какъ золотая и серебряная, но дѣ-ло въ томъ, что отдѣльная монета, какъ металлъ, и прибли-зительно не имѣетъ той цѣны, какая на ней значится, но тѣмъ не менѣе ея цѣна дѣйствуетъ какъ курсъ принудительный и притомъ полный. Но очевидно, какая-нибудь пятикопѣечная мо-нета (особенно новаго чекана) далеко не заключаетъ въ себѣ столько металла, чтобы цѣна его равнялась цѣнѣ, помѣченной на монетѣ—цѣна этого куска металла далеко ниже, чѣмъ по-мѣченная на немъ, какъ его нарицательная цѣна. Тѣмъ не ме-нѣе, курсъ бilonной монеты принудительный и полный, то есть, всякій обязанъ принимать ее какъ деньги, и притомъ—по ея нарицательному курсу, не смотря на то, что бilonная монета представляетъ собою кусокъ металла, цѣна котораго быть мо-жетъ не равняется и половинѣ той цѣны, которая на немъ помѣчена. Такимъ образомъ, если платежъ будетъ произво-диться бilonною монетою, то я обязанъ принять ее какъ деньги, и притомъ по нарицательному курсу. Но такая пол-ная принудительность бilonной монеты находить для себя границу съ другой стороны; теперь наше законодательство по-

становило эти границы; если всякій обязанъ принимать билонную монету по ея нарицательному курсу, то, съ другой стороны, нормою положительнаго права постановлена граница, до какого количества такой приемъ обязателенъ. Такимъ образомъ въ послѣднее время, когда чеканилась новая билонная монета (заключающая еще меньше металла, чѣмъ прежняя), законъ постановилъ, что никто не обязанъ принимать платежа по обязательству билонными деньгами свыше трехъ рублей, то есть, если кредитору слѣдуетъ получить больше трехъ рублей, то должникъ не можетъ ему навязать билонную монету больше этой суммы. Французское законодательство постановляетъ также, что никто не обязанъ принимать билонную монету, если ему слѣдуетъ платежъ свыше пяти франковъ; значитъ, должникъ можетъ навязать кредитору билонную монету только тогда, когда сумма платежа ниже пяти франковъ.

§ 11. На билонную монету распространяются все тѣ свойства, которыя имѣетъ звонкая монета, конечно, только вывозъ ея за границу не можетъ быть запрещенъ; пусть себѣ ее вывозятъ сколько угодно, — особеннаго ущерба для государства не будетъ, тогда какъ вывозъ чистой монеты изъ благороднаго металла стѣняется, — мѣра, которая не можетъ быть оправдана ни превосходными качествами звонкой монеты, ни тѣмъ, что она имѣетъ реальную основу — цѣнность самаго металла, изъ котораго она дѣлается, основа, какой въ билонной монетѣ почти не находится. Очевидно, природа билонной монеты сильно причастна къ природѣ бумажныхъ денегъ, гдѣ свойство денегъ переносится на ничего не стоящій клочекъ бумаги; здѣсь же хотя это свойство денегъ переходитъ на металлъ, но далеко не въ той пропорціи, какъ въ звонкой монетѣ; съ другой стороны, такъ-какъ билонная монета прежде всего есть металлъ, кусокъ, цѣнный самъ по себѣ, хотя далеко не въ той степени, какая означается на немъ, то все-таки она имѣетъ такъ-же, какъ звонкая монета,

реальную основу, и слѣдовательно, съ этой стороны ея природа причастна къ природѣ звонкой монеты. Хотя, опять-таки замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи билонная монета непривлекательна сама по себѣ, или по крайней мѣрѣ привлекательна далеко не въ той степени, какъ золото и серебро. Билонную монету иногда называютъ расчетною, или, точнѣе — счетною, придавая ей тѣмъ характеръ какъ-бы условныхъ знаковъ, марокъ. Но терминъ — «счетная монета» употребляется иногда и для обозначенія такъ называемой «банковской монеты» (не въ смыслѣ банковыхъ бумагъ, не въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово употреблено въ ст. 64 Уст. мон., а банковая монета — въ смыслѣ гамбургскомъ). Дѣло въ томъ, что въ средніе вѣка правительства почти всѣхъ странъ постоянно портили монету, то есть, сохраняя прежнюю цѣну, выпускали монету низшаго достоинства; вотъ почему въ различныхъ мѣстностяхъ, особенно въ торговыхъ промышленныхъ городахъ, является идея какъ-нибудь обезначать себя отъ такой порченной монеты, и вотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вошло въ обычай, и съ тѣхъ поръ существуетъ до настоящаго времени, принятое банками правило, что въ банковыхъ операціяхъ монетною единицею считается не единица, установленная правительствомъ, а единица, установленная самимъ банкомъ, то есть единица, взятая тоже отъ цѣны слитка металла, но вѣсъ и чистота такого слитка избраны банкомъ. На эту монетную единицу исчисляется всякая другая монета — для банка — критерій, мѣрило всѣхъ цѣнностей — имъ самимъ установленная монетная единица. Самый слитокъ, отъ цѣны котораго взята монетная единица банковской монеты, не находится въ обращеніи; но вѣдь монетная единица — понятіе идеальное, и имѣть вадобности имѣть передъ глазами соприкосновеніе этого понятія, то есть слитокъ или отдѣльную монету. За-тѣмъ существуетъ еще такъ называемая вексельная монета, которая опять-таки возникла въ средніе вѣка и которую надо

отличать от банковской. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стекаются монеты различныхъ правительствъ, купечество, собравшееся на ярмарку, условливалось въ томъ, что по всѣмъ платежамъ банки данной мѣстности принимаютъ только такую-то монету, напимѣръ французскую, а не другую. Вотъ эта монета и называется *оскельною*; она устраняетъ путаницу, которая неминуемо должна была бы возникнуть при разнообразіи монетъ. Мы сказали, что звонкая монета есть движимость; билонная монета есть тоже движимость. Здѣсь мы можемъ указать на такое явленіе, когда билонная монета теряетъ свой вещный характеръ, принимаетъ долговой; она становится знакомъ, показывающимъ, что это обладаніе монетою билоннаго свойства только даетъ обладателю право получить впоследствии звонкую монету. Это бываетъ, напимѣръ, во время осады, когда осажденные, не имѣя звонкой монеты, обращаются къ билоннымъ деньгамъ и придаютъ имъ значеніе платежныхъ знаковъ по всѣмъ сдѣлкамъ, конечно, только на время осады; когда прекращается осада, тогда всякій, у кого находится такая билонная монета, будетъ имѣть право получить изъ государственнаго казначейства определенное количество звонкой монеты взаимѣ билонной. Стало быть, билонная монета, замѣнявшая на-время звонкую, циркулируетъ на положеніи звонкой только въ виду того, что впоследствии за нее каждый ея собственникъ можетъ получить определенное количество звонкой монеты, количество, соответствующее той или другой пропорціи. Изъ среднихъ вѣковъ сохранилось много такого рода монетъ (особенно итальянскихъ) съ весьма характерною подписью: *pop aes, sed fides*. Такимъ образомъ циркулировала монета, негодная сама по себѣ, но имѣющая цѣнность въ силу увѣренности, надежды на то, что собственникъ ея получитъ впоследствии определенную сумму звонкой монеты. Тутъ собственно билонная монета получаетъ совсѣмъ иную природу — это скорѣй своеобразный сортъ кредитныхъ бумагъ.

Мы видѣли, что несоотвѣтствіе между нарицательною и металлическою цѣною, выражающееся въ принудительности курса, въ звонкой монетѣ является вслѣдствіе одной изъ мѣръ финансовой политики, вслѣдствіе устойчивости монетной единицы, при этомъ такое несоотвѣтствіе является только впоследствии, а не тогда, когда устанавливается монетная единица; напротивъ того, для билонныхъ денегъ такое несоотвѣтствіе является съ самаго момента чеканки ихъ; поэтому цѣна билонныхъ денегъ не заключаетъ, а только представляетъ такое или иное подраздѣленіе монетной единицы; тѣмъ не менѣе однако мы знаемъ, что матеріаль билонныхъ денегъ до известной степени цѣненъ, такъ-что съ одной стороны природа билонныхъ денегъ причастна природѣ звонкой монеты, а съ другой причастна природѣ бумажныхъ денегъ. Поэтому ученіе о билонныхъ деньгахъ и послужило для насъ переходомъ отъ звонкой монеты къ бумажнымъ деньгамъ, этому третьему члену нашей триады, къ которому и обращаемся.

§ 12. Мы сказали, что существуетъ огромная масса такъ называемыхъ суррогатовъ денегъ, которые обращаются, играютъ роль, болѣе или менѣе похожую на роль денегъ. Вся эта разнородная масса, какъ она ни перепутана, ни смѣшана, все-таки можетъ быть раздѣлена на 2 группы по юридическому принципу: такъ, въ одну группу будетъ входить то, что мы называемъ *бумажными деньгами* (мы избѣгаемъ употребленія названія «кредитные билеты», какъ ихъ зоветъ наше законодательство, потому что прилагательное «кредитный» здѣсь не совсѣмъ уместно); другую же группу будутъ составлять такъ называемыя *кредитныя бумаги*. Чтобы понять природу бумажныхъ денегъ, мы должны обратиться къ моменту ихъ выпуска, потому что, появивши этотъ актъ, мы поймемъ и юридическую природу бумажныхъ денегъ. Тотъ, кто выпускаетъ бумажныя деньги (а выпускаетъ ихъ обыкновенно правитель-

ство), или, какъ его называютъ, эмиттентъ, при выпускѣ бумажныхъ денегъ имѣетъ обыкновенно въ виду произвести платежъ, все равно, слѣдуетъ ли съ него этотъ платежъ, какъ долгъ, или же только предстоитъ теперь, какъ произведеніе, доставленіе эквивалента, цѣны за предстоящую покупку и т. д., поводъ, причина платежа здѣсь безразлична. Принимающій, берущій бумажку отъ эмиттента, приницатель, вѣрить въ бумажный знакъ, и на этой вѣрѣ основана уплата, погашеніе, *liberatio*, то есть освобожденіе эмиттента отъ долговаго обязательства; словомъ происходитъ въ результатъ то, что называется *solutio*, то есть или погашеніе долга, который уже былъ, или платежъ наличными. Принимающій вѣритъ въ то, что бумажный знакъ, бумажка, для него, принимающаго, сыграетъ такую-же юридическую роль, какую играетъ она въ данный моментъ для эмиттента, что онъ, принявши теперь бумажные деньги, будетъ имѣть юридическую возможность произвести ими слѣдующіе съ него платежи, все равно кому бы платежъ ни слѣдовалъ, нынѣшнему ли эмиттенту, или кому другому. Такъ, напримѣръ, подрядчикъ поставилъ правительству условленное количество продуктовъ, принасовъ, получаетъ новыя бумажныя деньги, только-что выпущенныя, имѣя въ виду, что при первой возможности, когда правительство потребуетъ отъ него подать, налогъ, онъ не только заплатитъ правительству, то есть эмиттенту, этими-же деньгами, но кромѣ того можетъ ими-же произвести всякіе другіе платежи частнымъ лицамъ. Такое довѣріе приницателя тѣмъ основательнѣе, чѣмъ чаще и самъ эмиттентъ оказывается въ положеніи не платящаго, а получающаго платежи, то есть доставленіе денежныхъ суммъ, — положеніе, въ которомъ чаще другихъ оказывается правительство. За-тѣмъ, по отношенію къ другимъ, такое довѣріе тѣмъ основательнѣе, тѣмъ дальше отъ надежды, чѣмъ больше гарантій будутъ имѣть бумажныя деньги съ другой стороны, то есть чѣмъ болѣе эмит-

тентъ имѣетъ средствъ обезпечить принимающаго бумажные знаки въ томъ, что послѣдній будетъ въ состояніи произвести этими бумажными деньгами слѣдующіе съ него платежи не только самому эмиттенту, но всѣмъ и каждому.

Такихъ средствъ болѣе, чѣмъ кто другой, имѣетъ правительство, — у него всякія средства принудить, заставить, а потому во всѣхъ отношеніяхъ правительство болѣе чѣмъ кто-либо можетъ, то есть въ состояніи, доставить бумажному знаку значеніе знака денежнаго. Если же такъ, то очевидно, что выпускающій бумажныя деньги въ моментъ выпуска ихъ какъ-бы говоритъ первому приницателю *выпускаемаго*, то есть только-что слѣланнаго бумажнаго знака: бери не деньги, а знакъ только, представляющій ту сумму денегъ, какая означена на этомъ знакѣ. Всякій разъ, когда тебѣ придется производить платежъ мнѣ ли, эмиттенту, или кому бы то ни было другому, этотъ знакъ будетъ отъ тебя принятъ вмѣсто (и наравнѣ) обозначенной на этомъ знакѣ суммы денегъ, какъ звонкой монеты (*Goldschmidt*). Изъ этого слѣдуетъ, что курсъ бумажныхъ денегъ можетъ быть только нарицательный, потому что матеріалъ, изъ котораго дѣлаются бумажныя деньги, есть клочокъ бумаги, ничего нестоющій. Далѣе, очевидно, что курсъ этотъ долженъ быть принудительнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ эмиттенту, то есть всякій разъ, какъ представится платежъ эмиттенту отъ нынѣшняго ли приницателя, или отъ того, къ кому дойдетъ бумажный знакъ, плательщикъ будетъ вправѣ произвести этимъ знакомъ платежъ эмиттенту и именно по той цѣнѣ, которая означена на самомъ знакѣ, не беря во вниманіе отношенія этихъ знаковъ къ звонкой монетѣ на биржѣ. За-тѣмъ, если эмиттентъ, которымъ обыкновенно бываетъ правительство, имѣетъ власть на извѣстной территоріи, то этой властью онъ можетъ сообщить выпускаемымъ бумажнымъ знакамъ не только принудительный курсъ, какъ денегъ, но еще

и полную принудительность, то есть, что всякій будетъ обязанъ принимать (и считать ихъ принятіе платежомъ) бумажные знаки не только какъ деньги, но и по ихъ принудительному нарицательному курсу. А такъ-какъ у насъ эмиттентомъ является само государство, то, очевидно, значить, что нашимъ бумажнымъ знакамъ присвоено значеніе денегъ на пространствѣ всей русской территоріи. Очевидно, что въ природѣ бумажныхъ денегъ, собственно говоря, нѣтъ препятствій къ тому, чтобы эмиттентомъ было всякое другое лицо, а не только государство, потому что для принятія бумажнаго денежнаго знака необходимо: 1) чтобы эмиттентъ выпускалъ этотъ знакъ для платежа; 2) чтобы приниматель былъ увѣренъ, что и эмиттенту можно будетъ воздать тѣмъ-же, 3) что принимаемый теперь денежный знакъ будетъ отъ него, принимателя, приниматься и другими, какъ деньги, хотя-бы даже и не по нарицательному курсу. Таковъ выводъ, который вытекаетъ чисто изъ юридической природы бумажныхъ денегъ, то есть изъ того юридическаго эффекта, на произведеніе котораго рассчитанъ ихъ выпускъ и который возможенъ при описанномъ довѣріи.

§ 13. Публицистическій принципъ, моментъ регалии, только усиливаетъ сказанную юридическую природу, а не создаетъ ее, на что иногда напиралъ экономисты (напримѣръ Адольфъ Вагнеръ) и даже иногда юристы. Такъ-что во времена вѣрнопостнаго права ничто не мѣшало помѣщику завести «бумажную циркуляцію» на пространствѣ своихъ вотчинъ, для своихъ крестьянъ. Но теперь по-крайней-мѣрѣ врядъ-ли выпускъ бумажныхъ знаковъ возможенъ для кого другого, кромѣ правительства. И безъ прямого запрещенія выпускать бумажные деньги никто, кромѣ правительства, дѣлать этого не можетъ; выпускъ бумажныхъ денегъ есть прежде всего верховное право государства, и выводится это изъ того, во 1-хъ, что установленіе монетной единицы принадлежитъ только государству, во

2, что цѣна звонкой монеты и вообще все монетное дѣло принадлежитъ только тому-же самому государству, въ 3-хъ, видимъ изъ того, что правительство до сихъ поръ не разрѣшаетъ циркуляціонныхъ банковъ. Все это даетъ право заключать, что у насъ только государство имѣетъ право создавать эти бумажные суррогаты, которые называются технически бумажными деньгами, которыя изъ-за довѣрія къ нимъ, изъ-за приписаннаго имъ нарицательнаго курса, имѣютъ свойство производить платежи, гасить долги, освобождать должниковъ, удовлетворять кредиторовъ и т. д. Получивши отъ эмиттента первый приниматель, получая отъ перваго второй и т. д., всѣ эти лица, естественно, рассчитываютъ не на то, что взятые ими знаки когда-нибудь, раньше или позже, должны быть оплачены кѣмъ-нибудь, они рассчитываютъ только на то, что съ этими знаками можно производить такіа-же юридическія послѣдствія, какія обыкновенно дѣлаются съ звонкою монетою. Если такъ, то такъ называемая размытость бумажныхъ денегъ не только не есть необходимость, существенная принадлежность въ понятіи бумажныхъ денегъ, напротивъ—изъ сказаннаго до сихъ поръ о бумажныхъ деньгахъ очевидно, что такая размытость только смущаетъ, затемняетъ юридическую природу бумажныхъ денегъ; она затемняетъ потому, что въ такихъ случаяхъ бумажные деньги какъ-бы приравниваются съ другими долговыми документами, съ кредитными бумагами. Наши бумажные деньги сначала имѣли эту размытость, но за-тѣмъ она была приостановлена сначала секретнымъ образомъ, а потомъ и открыто. Такимъ образомъ наши бумажные деньги, потерявши характеръ размытости, представляются теперь въ самомъ чистомъ, настоящемъ своемъ видѣ. А съ другой стороны, нарицательно-принудительный курсъ, то есть то обстоятельство, что бумажные знаки должны приниматься всѣми не только какъ деньги, но и по ихъ нарицательному курсу, не принимая въ расчетъ разницу, ка-

кая существует между этими знаками и другими деньгами, этот нарицательно-принудительный курсъ только усиливаетъ, а не онъ создаетъ юридическую природу бумажныхъ знаковъ. Принудительность курса всегда остается за бумажными деньгами, то есть, что пріемъ ихъ обязателенъ вездѣ; но разница можетъ быть въ томъ, что бумажные знаки могутъ быть принимаемы или по ихъ нарицательному курсу, или по биржевому курсу, то есть, принимая въ расчетъ отношеніе, которое имѣютъ бумажныя деньги къ звонкой монетѣ (напримѣръ, какъ у насъ, къ серебряной) на биржѣ. И безъ нарицательно-принудительнаго курса бумажныя деньги остаются тѣмъ-же самыми, лишь-бы пріемъ ихъ былъ обязателенъ, какъ денегъ, хотя и по биржевому курсу. Таковы, напримѣръ, прусскіе Cassenscheine, — всякій обязанъ принимать ихъ, но не по ихъ нарицательному курсу, а съ пріятіемъ разницы, которую они имѣютъ по отношенію къ звонкой монетѣ. Напротивъ того, наши бумажныя деньги имѣютъ нарицательно-принудительный курсъ. Этотъ нарицательно-принудительный курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ состоитъ, во 1) въ томъ, что пріемъ ихъ обязателенъ противъ правительства; во 2) обязателенъ со стороны правительства противъ частныхъ лицъ, и въ 3) между частными лицами (613 ст. Уст. о век.). Послѣ этого мы вправѣ сказать, что бумажныя деньги не есть долговые документы, а вещи или *наличные капиталы*, выражаясь словами статьи 402 т. X. ч. I, которая говоритъ, что «наличные капиталы, заемныя письма, векселя, закладныя и обязательства всякаго рода принадлежатъ къ имуществамъ движимымъ» и 416 т. X. Поэтому то обстоятельство, что кто-нибудь передалъ бумажныя деньги другому лицу, не есть для послѣдняго пріобрѣтеніе права на уплату въ будущемъ той суммы, которая обозначена на этихъ бумажныхъ деньгахъ, а напротивъ — означаетъ только произведенное удовлетвореніе, уплату той суммы, которая слѣдовала къ полученію.

§ 14. Бумажныя деньги есть движимость (402 ст.), а поэтому и переходъ ихъ изъ однихъ рукъ въ другія чаще всего совершается тѣмъ-же способомъ, какъ и переходъ всякой другой движимости, то есть одною передачею, простымъ врученіемъ. Далѣе, этотъ переходъ бумажныхъ денегъ изъ рукъ въ руки не устанавливаетъ самъ по себѣ никакихъ юридическихъ отношеній для тѣхъ, между которыми бумажный знакъ передвинулся; бумажные знаки не могутъ завязать никакихъ юридическихъ отношеній «сами по себѣ», потому что юридическія отношенія и въ томъ случаѣ, если такія завязываются между данными лицами, изъ которыхъ одинъ передалъ бумажныя деньги, а другой принялъ ихъ, завязываются не изъ-за этой передачи, а изъ-за того резона, который лежитъ въ основѣ этой передачи. Я передалъ лицу А известное количество кредитныхъ билетовъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его своимъ должникомъ: совершается такимъ образомъ юридическій актъ, известный подъ названіемъ займа; здѣсь юридическое отношеніе завязывается не изъ-за факта передачи денегъ, а изъ-за лежащаго въ основѣ этой передачи договорнаго отношенія. Очевидно, что бумажныя деньги разъ онѣ выходятъ изъ рукъ того, кто ими владѣетъ, обыкновенно уходятъ отъ него навсегда, основаніе то-же, что и для другихъ нераспознаваемыхъ вещей, но по отношенію къ деньгамъ — еще въ большей степени. Далѣе, отысканіе права собственности, *vindicatio*, того или другого бумажнаго знака будетъ затруднительно въ силу статьи 534 т. X, какъ и по отношенію къ другимъ нераспознаваемымъ вещамъ; правда, по-видимому на бумажныхъ знакахъ, на кредитныхъ билетахъ есть надежная мѣтка — это номеръ; но онъ стоитъ на бумажныхъ деньгахъ не за тѣмъ, чтобы ихъ индивидуализировать, а это просто одно изъ средствъ, которыя употребляетъ экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ для того, чтобы провѣрять подлинность или неподлинность бумажныхъ де-

неть, которыя обращаются въ данное время въ государствѣ. Конечно, бывають случаи, когда эти номера могутъ послужить средствомъ для того, чтобы указать тождество потеряннаго знака съ тѣмъ, который налицо; такъ напримѣръ, при находкѣ, если кто-нибудь найдетъ кредитный билетъ, я заявляю претензію, что онъ мой; конечно, находчикъ прежде всего спроситъ, какой номеръ имѣлъ потерянный кредитный билетъ. Но во всякомъ случаѣ подобное значеніе номера можетъ обнаружиться рѣдко, потому что мало найдется такихъ праздныхъ людей, которые замѣчали бы номера каждаго кредитнаго билета. Такимъ образомъ, повторяемъ, отысканіе права собственности на бумажныя деньги очень затруднительно въ силу 534 статьи, и затруднительно еще въ большей степени, чѣмъ для другихъ движимостей. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда было бы можно доказать тождество бумажнаго знака посредствомъ номеровъ, и въ такомъ разѣ отобрать билетъ можно лишь тогда, если кредитный билетъ ушелъ посредствомъ воровства и владѣлецъ находить его какъ-разъ у вора. Последнюю оговорку мы прибавили, имѣя въ виду, что такое устраненіе vindicatio по отношенію къ деньгамъ во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ воровства, существуетъ даже для кредитныхъ бумагъ. Далѣе, такъ-какъ бумажные знаки есть вещи, то поэтому по отношенію къ нимъ и такъ называемая амортизація невозможна, то есть въ случаѣ утраты бумажнаго знака и невозможности найти его, утратившій не имѣетъ ни права, ни возможности требовать отъ эмиттента, отъ правительства, чтобы экспедиція кредитныхъ билетовъ объявила утраченный билетъ погашеннымъ, объявила его *вне обращенія* и взаимѣвъ его выдавала бы такой-же самый, — въ этомъ состоитъ амортизація. Такимъ образомъ всѣ эти черты бумажныхъ знаковъ, очевидно, слѣдуютъ отчасти изъ той природы ихъ, что они — движимость нераспознаваемая, а отчасти и изъ того, что бумажныя деньги есть движимость, какъ

res quae tangi potest. Высказывая всѣ подобныя положенія, мы нисколько не смущаемся тою экономическою догмой, что количество всѣхъ обращающихся въ данномъ государствѣ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ правительствомъ, есть не что иное, какъ текущій долгъ; не смущаемся потому, что, если это и вѣрно съ точки зрѣнія экономиста, для юриста отъ этого только путаница понятій. Въ самомъ дѣлѣ, выпуская бумажныя деньги, правительство вовсе не должно кому бы то ни было, а, напротивъ, для насъ, юристовъ, уплачивается долгъ тамъ, гдѣ есть юридическая необходимость уплатить его, гдѣ предстоитъ платежъ, какъ погашеніе долга; но, выпуская бумажныя деньги, правительство никому и никогда не обязывается платить. На такое обязательство правительства ни мало не указываетъ и помѣченная на спинкѣ кредитнаго билета гарантія, что государственные кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ достояніемъ государства, эта гарантія только украшаетъ собою кредитные билеты, но ничего къ нимъ не прибавляетъ. Что касается другихъ соображеній относительно того, насколько разрушительно дѣйствуетъ на народное хозяйство существованіе бумажныхъ денегъ, то это до насъ не касается. Еще яснѣе станетъ для насъ природа бумажныхъ денегъ, если мы въ параллель съ ними представимъ существенныя черты кредитныхъ бумагъ.

§ 15. *Кредитныя бумаги.* Что касается *кредитныхъ бумагъ*, то прежде всего нужно замѣтить, что ихъ роды и виды въ высшей степени разнообразны, особенно въ наше время; мы думаемъ даже, что нѣтъ никакой возможности исчислить всѣ разнообразные виды кредитныхъ бумагъ, потому что къ числу бумагъ, обыкновенно называемыхъ кредитными, съ юридической точки зрѣнія, можно прибавить много другихъ, которымъ, по ихъ скромности, не даютъ такого титула, — и билетъ въ театръ, въ вагонъ и т. д. въ сущности «бумага на предъявленіе». Такъ-что,

слѣдовательно, если съ одной стороны во главѣ кредитныхъ бумагъ поставить билеты перваго и втораго внутренняго государственнаго займа, то получимъ цѣлую градацію, которая закончится билетомъ въ кухмистерскую или въ театръ,—это тоже кредитныя бумаги. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на все разнообразіе видовъ, которые принимаютъ кредитныя бумаги, облигаціи, акціи, купоны и прочее, есть все-таки нѣкоторыя общія черты, принадлежащія всѣмъ родамъ и видамъ кредитныхъ бумагъ. Чтобы понять ихъ юридическую природу, опять прибѣгнемъ къ тому-же приему, который мы употребляли выше по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ, именно взглянемъ въ моментъ, когда рождается кредитная бумага, когда она *выдается*, (а не выпускается). Выдающій ту или другую кредитную бумагу тѣмъ самымъ *только документируетъ* дѣлаемый или уже *сдѣланный имъ долгъ* (а не погашаетъ его, какъ въ бумажныхъ деньгахъ), или наоборотъ—*принимающій* ту или другую кредитную бумагу *имѣетъ въ виду приобрести требованіе, приобрести должника, стать кредиторомъ*. При этомъ все равно, въ данномъ случаѣ, помѣчено ли въ текствѣ этого документа имя перваго принимателя (тогда кредитная бумага зовется *именною*), или не помѣчено, въ такомъ разѣ она выдается на предъявителя. Очевидно, здѣсь самую важную роль играетъ опять довѣріе, а здѣсь принимающій вѣрить, но сохраненіе этого довѣрія совершенно иного свойства, чѣмъ то, которое оказывается къ бумажнымъ деньгамъ. *Здѣсь приниматель кредитной бумаги вѣритъ въ реализацію, въ оплату этой бумаги надлежащими деньгами*, вѣрить въ то, что послѣ будетъ произведено ему, или кому снѣ передать эту кредитную бумагу, удовлетвореніе, а кѣмъ, это пока все равно. Здѣсь въ моментъ передачи кредитной бумаги между лицомъ выдающимъ ее и принимающимъ не гасится долговое отношеніе, не производится платежъ, а, напротивъ, *устанавливается, за-*

вязывается обязательство, которое имѣетъ быть удовлетвореннымъ только на будущее время, рано или поздно, это все равно, но оно должно быть удовлетворено, потому что если отнять отъ кредитной бумаги такую перспективу оплаты, то есть ея погашенія въ будущемъ, то останется простой клочекъ бумаги. Очевидно, поэтому, что выдающій кредитную бумагу, будетъ ли это акціонерная компанія, или правительство, или частное лицо, вручая бумажный знакъ принимающему, хочетъ этимъ сказать: бери этотъ знакъ, бери клочекъ бумаги, который есть документъ, представляющій и доказывающій свою редакціей долгъ, который будетъ уплоченъ такою-то суммою денегъ, именно тою, которая значится въ этомъ документѣ (потому что общее правило таково, что кредитная бумага гласитъ на опредѣленную сумму денегъ и весьма рѣдкій случай, когда кредитная бумага гласитъ, положишь, на столько-то кварталовъ шеницы). Такимъ образомъ выдать кредитную бумагу значить стать должникомъ, принять такую бумагу,—значить стать кредиторомъ, а поэтому отсюда является послѣдствіе, что кредитныя бумаги не имѣютъ принудительнаго курса. О такой принудительности кредитной бумаги можетъ быть рѣчь только развѣ въ томъ смыслѣ, что, если лицо, *получившее* кредитную бумагу, само задолжается, то есть какими-нибудь образомъ окажется въ положеніи должника по отношенію къ тому лицу, на которое онъ имѣетъ кредитную бумагу, въ такомъ случаѣ онъ можетъ оплатить этою кредитною бумагою свой долгъ и приемъ ее въ этомъ случаѣ *обязателенъ*; только это исключительный случай; для этого я, имѣющій вексель на лицо А, долженъ оказаться его должникомъ; а если же имъ я не окажусь? Притомъ-же это не есть особенность кредитныхъ бумагъ, а вообще всякаго долговаго права, потому что ко всякому долговому праву можетъ быть примѣнена компензація, которая можетъ быть проведена не только путемъ встрѣчнаго иска, но и помимо него, напримѣръ въ случаѣ ст.

1966, XI т. Уст. несостоятельности торговой. А за-тѣмъ о какомъ-нибудь иномъ принудительномъ курсѣ для кредитныхъ бумагъ не можетъ быть и рѣчи. Ихъ курсъ только биржевой, — который будетъ выше и ниже, смотря 1) по обезличенности будущей оплаты, по степени состоятельности должника; 2) по тому отношенію, въ какомъ доходность бумаги находится вообще къ высотѣ процентовъ; 3) смотря по степени азарта (билеты съ выигрышемъ) и т. д.

§ 16. И такъ, чтобы скорѣе и вѣрнѣе опредѣлить, какая разница между бумажными деньгами и кредитными бумагами, мы стали искать ее именно въ томъ юридическомъ эффектѣ, влияніи, дѣйствіи, которое производится выпускомъ бумажныхъ денегъ и выдачею кредитныхъ бумагъ. Между юридическимъ эффектомъ того и другого акта замѣчается коренная разница: тогда какъ въ первомъ случаѣ, когда выпускаютъ бумажные деньги, погашается существующее отношеніе между данными лицами, между выпускающими бумажные деньги и принимающими ихъ, во второмъ случаѣ, когда выдаются кредитныя бумаги, такое отношеніе не погашается, а, напротивъ, устанавливается, связывается. Словомъ, выражаясь другою терминологіей, то есть ст. 418, ч. 1, т. X, если въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ наличностью, то во второмъ — съ долговымъ имуществомъ. Изъ этого кореннаго характера кредитныхъ бумагъ, который самъ собой ставитъ ихъ совсѣмъ особнякомъ, отдѣльно отъ бумажныхъ денегъ, съ юридической точки зрѣнія дѣлаетъ невозможнымъ смѣшеніе тѣхъ и другихъ, вытекаютъ и другія, такъ сказать, производныя особенности, болѣе или менѣе общія всякимъ кредитнымъ бумагамъ. И прежде всего, хотя и кредитная бумага имѣетъ нарицательный курсъ, т. е. помѣчена на опредѣленную сумму денегъ, но этотъ нарицательный курсъ не можетъ стать принудительнымъ, развѣ по исключенію. Ихъ обращеніе также не обязательно, не при-

нудительно; сдѣлать такое обращеніе ихъ обязательнымъ значило бы сблизить, уравнивать ихъ съ бумажными деньгами; подобное отклоненіе отъ принципа, который лежитъ въ природѣ кредитныхъ бумагъ, иногда допускается специальными юридическими нормами; отсюда является двусмысленная форма этихъ суррогатовъ денегъ, такъ-что трудно иногда сказать, къ какой категоріи относится данный суррогатъ, къ категоріи ли бумажныхъ денегъ, или къ кредитнымъ бумагамъ. Такъ напримѣръ англійскіе банкъ-ноты двусмысленнаго свойства: имъ придавъ принудительный курсъ обращенія, т. е. что всякій обязанъ принимать ихъ по курсу, но за-тѣмъ всякій имѣетъ право явиться съ ними въ банкъ и требовать платежа звонкою монетою, такимъ образомъ здѣсь оказывается, что англійская банкъ-нота есть кредитная бумага, хотя по принудительности своего курса, какъ обращенія, пріема для всѣхъ, напоминаетъ бумажные деньги. Но во всякомъ случаѣ важно то, что кредитныя бумаги есть знаки, по которымъ въ послѣдствіи будетъ реализація, платежъ. Отчасти съ такимъ характеромъ до извѣстной степени являлись наши бумажные деньги, пока не прекращенъ былъ развѣвъ, но такая амфибіозность все-таки фактъ исключительный. Подобный фактъ долженъ быть не устранимъ, а принятъ въ разсчетъ, какъ напоминаніе, что здѣсь, какъ и вездѣ, между явленіями одного ряда и явленіями другаго — есть нейтральная полоса, гдѣ одинъ рядъ не замѣтно переходитъ въ другой. Но онъ оставляетъ въ силѣ то положеніе, что всякая кредитная бумага, разъ она не подходитъ подъ категорію бумажныхъ денегъ, есть прежде всего долговой документъ и съ этой стороны прежде всего доказываетъ существованіе долга, какъ то-же самое доказываетъ и заемное письмо, или выданная какимъ-нибудь коммерсантомъ долговая расписка; таково прежде всего значеніе всякой кредитной бумаги, будетъ ли это облигація, банковый билетъ, купонъ и т. д. — во всѣхъ этихъ случаяхъ преж-

де всего мы имеем дѣло съ долговыми документами. Если же кредитныя бумаги суть долговые документы, въ такомъ случаѣ въ ихъ природѣ прежде всего кроется необходимость судебной охраны, то есть, въ случаѣ неисполненія, недателжа по той или другой кредитной бумагѣ, платежъ долженъ быть вынужденъ судомъ; слѣдовательно, кредитныя бумаги охраняются искомъ; напротивъ того, относительно бумажныхъ денегъ о такой судебной охранѣ не можетъ быть и рѣчи; она здѣсь совсѣмъ немислима. Изъ этой-же природы кредитныхъ бумагъ, какъ долговыхъ документовъ, очевидно, слѣдуетъ и то, что для того, чтобы произвести *платежъ*, *solutio*, погасить существующее между данными лицами обязательственное отношеніе посредствомъ передачи той или другой кредитной бумаги, необходимо, чтобы въ моментъ такой передачи между участниками состоялось особое новое соглашеніе, нужно, чтобы, наприимѣръ, кредиторъ согласился принять кредитную бумагу въ уплату долга, который онъ требуетъ; здѣсь мы имеемъ дѣло не съ *solutio*, а съ *datio in solutionem*, которое, какъ извѣстно изъ римскаго права, бываетъ тогда, когда должникъ, по соглашенію съ кредиторомъ, доставляетъ ему въ уплату другія вещи, чѣмъ тѣ, которыя онъ обязался доставить. Если же такъ, если здѣсь имѣетъ мѣсто особый новый договоръ между кредиторомъ и должникомъ, то очевидно, что кредиторъ въ томъ случаѣ, когда онъ получаетъ вмѣсто уплаты ту или другую кредитную бумагу, лишь приобретаетъ право на полученіе впоследствии извѣстной суммы денегъ, которая обозначена въ этой кредитной бумагѣ, или вообще, если одно лицо передаетъ другому кредитную бумагу, то на мѣсто прежняго кредитора является новый, — таково отношеніе лицъ, между которыми передвинулась данная кредитная бумага. Но изъ-за такого передвиженія между нашими лицами устанавливается новое юридическое отношеніе, — отвѣтственность одного лица передъ другимъ, отвѣтственность лица, передающаго кре-

дитную бумагу въ томъ, что долгъ, помѣченный въ кредитной бумагѣ, дѣйствительно существуетъ; слѣдовательно, обращеніе кредитныхъ бумагъ, ихъ переходъ отъ одного лица къ другому движется въ рамкахъ извѣстныхъ институтовъ обязательственного права, въ рамкахъ *cessio* или *novatio*, если мѣсто прежняго кредитора заступаетъ другой; или наконецъ въ формѣ *delegatio*, если одно лицо передаетъ другому кредитную бумагу съ цѣлью указать приобретателю какъ на ресурсъ, способъ платежа, на то или другое лицо, отъ котораго приобретатель можетъ получить платежъ.

§ 17. Таково общее правило, опредѣляющее отношеніе между передающимъ и берущимъ кредитную бумагу. Но изъ этого общаго правила есть однако исключеніе, предѣлы котораго могутъ быть такъ широки, что такое исключеніе, пожалуй, можетъ принять характеръ другаго общаго правила. Оно состоитъ въ томъ, что передатчикъ кредитной бумаги отвѣчаетъ не только за то, что долгъ существуетъ, но и за реализацію этой бумаги, не только за его *veritas*, но и за *bonitas*. Передатчикъ является не только бывшимъ кредиторомъ, но остается поручителемъ за должника по переданной кредитной бумагѣ. Но послѣдняго рода отвѣтственность лица передающаго передъ тѣмъ, кому онъ передалъ, можетъ опять отнасть по слѣдующимъ тремъ основаніямъ: 1-е основаніе заключается въ томъ, что кредитная бумага не была именною, то есть выдавшей ее объявилъ ее на предъявителя, то есть объявилъ самимъ текстомъ, редакціей этой бумаги, что платежъ будетъ произведенъ всякому, кто явится съ этою бумагой, или, нагляднѣе, что платежъ будетъ произведенъ только по *этой бумагѣ*, съ кѣмъ она ни явилась бы за платежемъ; ясно, что при передачѣ кредитной бумаги на предъявителя (образцомъ которой могутъ служить хоть тѣ-же билеты внутренняго займа), отвѣтственность лица, передающаго кредитную бумагу на предъ-

явителя, передъ лицомъ, которому онъ передалъ, отпадаетъ изъ-за того соображенія, что здѣсь самый механизмъ перехода устроенъ такъ, что не оставляетъ послѣ себя никакого слѣда; тогда какъ будь эта бумага именная, напимѣръ, вексель, самая механика передачи оставила бы слѣдъ, передаточную надпись, которая дѣлается на спинкѣ векселя. 2) Второй резонъ, изъ-за котораго отпадаетъ отвѣтственность лица передающаго передъ тѣмъ, кому онъ передалъ, можетъ заключаться въ томъ, что передача кредитной именной бумаги можетъ сопровождаться особымъ соглашеніемъ между лицомъ передающимъ и лицомъ получающимъ, — соглашеніемъ, въ силу котораго передатчикъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности за *bonitas*, и слѣдъ такого соглашенія помѣщается на кредитной бумагѣ тамъ же, гдѣ оставленъ слѣдъ, указывающій на фактъ передачи, то есть въ передаточной надписи. Такова сила короткой прибавки въ текстѣ передаточной надписи: «безъ оборота» (*Ohne Obligo*) (ст. 568 Уст. векс.). 3) Третій резонъ такого отпаденія отвѣтственности, въ сущности одного характера со вторымъ, можетъ быть выставленъ особою спеціальною оговоркой въ уставѣ учрежденія, выдающаго данную кредитную бумагу; напимѣръ, въ уставѣ кооператива можетъ быть сказано, что по тѣмъ или другимъ соображеніямъ передача кредитной бумаги не влечетъ за собою сказанной отвѣтственности для передатчика (при этомъ надо замѣтить, что уставъ компаніи не есть законъ, а есть только договоръ, въ который вступаютъ всѣ, кто вступаетъ въ члены компаніи, банка и прочее). Мало того, даже и тогда, если кредитная бумага явилась какъ именная, когда она редактирована на извѣстное лицо и ея передача влекла бы за собою для передатчика отвѣтственность по регрессу, и тогда съ нею можетъ наступить модификація вѣдѣствіе бланковой надписи, указанной въ статьѣ 661 Уст. векс. Значеніе бланковой надписи таково, что кредитная бумага, бу-

лучи прежде именно, вѣдѣствіе бланковой надписи свободно можетъ совершать обращеніе, циркулировать подобно кредитной бумагѣ на предъявителя, — появленіе на ней бланковой надписи разбиваетъ на двѣ половины исторію ея движенія, ея *in-commerce*. Въ первой половинѣ — ея *commerce* было одно, во второй — другое. Далѣе, относительно кредитныхъ бумагъ, каковы бы онѣ ни были, собственно говоря, нельзя и ставить вопроса о томъ, движимость ли онѣ или нѣтъ; статья 402, т. X, ч. 1 между прочимъ говоритъ относительно векселя, а слѣдовательно и относительно всѣхъ кредитныхъ бумагъ, что вексель есть движимость, но юристъ знаетъ, что хочеть сказать собой такое приравненіе долговыхъ правъ съ движимостью (сами по себѣ, конечно, векселя, закладные листы, контракты, долги, все это лежитъ внѣ раздѣленія на движимость и недвижимость, потому что это раздѣленіе относится только къ *res corporales*). Несмотря на такое уравненіе кредитныхъ бумагъ съ движимостями, приравненіе, сдѣланное въ самомъ законѣ, эти долговые обязательства не могутъ всецѣло претендовать на характеръ движимостей, и это видно особенно изъ способа передачи долговаго права по векселю, — для того, чтобы сдѣлать кого кредиторомъ по векселю, уже существующему, недостаточно простаго врученія, передачи самаго *corpus* отъ одного лица къ другому, какъ это дѣлается съ другими движимостями, для этого нужна еще передаточная надпись. Словомъ, переходъ кредитныхъ бумагъ изъ рукъ въ руки совершается не такъ, какъ относительно недвижимыхъ движимостей, а по особымъ правиламъ, и только бумаги на предъявителя сходны въ этомъ отношеніи съ движимостямъ. Мало того, переходъ кредитныхъ бумагъ вызываетъ иногда еще примѣненіе особаго механизма, такъ называемаго *трансферта*, когда должникъ по той или другой кредитной бумагѣ, или учрежденіе, выдающее ее, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, удерживаетъ трансфертъ, то есть сво-

его рода лѣтѣмъ всѣмъ переходятъ отъ одного лица къ другому выданной ими кредитной бумаги, такъ что для должника новый пріобрѣтатель кредитной бумаги становится кредиторомъ не прежде, какъ послѣ того, когда совершенъ трансфертъ.

§ 18. Если-же кредитныя бумаги не должны быть приравнены вполне къ движимостямъ, то тѣмъ болѣе онѣ не должны быть приравнены къ деньгамъ, хотя такое уравненіе съ деньгами кажется весьма соблазнительнымъ, именно въ виду той роли, которую играютъ кредитныя бумаги въ коммерческомъ быту, особенно въ настоящее время. Такая попытка сблизить одинъ видъ кредитныхъ бумагъ, именно векселя, съ бумажными деньгами, какъ извѣстно, сдѣлана была въ 30-хъ годахъ однимъ весьма замѣчательнымъ писателемъ по вексельному праву, Эйпертомъ. Если такъ, если кредитныя бумаги не могутъ быть уравнены ни вообще съ *res corporales*, ни въ частности съ бумажными деньгами, то для нихъ является возможнымъ средство *амортизации* въ томъ случаѣ, если кредитная бумага будетъ утрачена. Если кредитная бумага безъ воли кредитора уйдетъ отъ него, то въ такомъ случаѣ ему остается одно—возбудить особую процедуру о погашеніи этой бумаги и замѣнить ее другою. Точныя правила объ этой процедурѣ обыкновенно даются въ каждомъ отдѣльномъ уставѣ; въ общихъ же чертахъ ходъ амортизаціи слѣдующій: утратившій кредитную бумагу тотъ-часъ заявляетъ должнику по этой бумагѣ, кто-бы этотъ должникъ ни былъ, что случилась утрата. Если должникъ—банкъ, вообще кредитное учрежденіе, такое заявленіе вызываетъ со стороны послѣдняго однократную, двукратную и даже троекратную (смотря по тому, какъ опредѣлено въ уставѣ) публикація о томъ въ газетахъ съ назначеніемъ срока, въ теченіи котораго то лицо, у котораго окажется утерянная кредитная бумага (вслѣдствіе какихъ бы причинъ она къ нему ни попала), обязано предъявить ее; за-тѣмъ, если до истеченія э-

того срока дѣйствительно найдется лицо, у котораго окажется утраченная кредитная бумага (вслѣдствіе того-ли, что онъ укралъ ее, или же пріобрѣлъ похищеною отъ вора—все равно), то въ такомъ случаѣ она будетъ заарестована и за-тѣмъ утратившій и предъявившій потомъ кредитную бумагу можетъ обратиться къ судебному разбирательству, послѣ котораго окажется, что предъявившій кредитную бумагу укралъ ее самъ, или за-вѣдомо пріобрѣлъ отъ вора. Если же до истеченія срока не будетъ предъявлена утраченная кредитная бумага, въ такомъ случаѣ учрежденіе, которое дѣлало заявленіе, объявляетъ ее мертвою, погашенною, и лицу утратившему выдается дублетъ, второй экземпляръ утраченной бумаги подъ тѣмъ-же №; слѣдовательно, кредиторъ спасъ свое право, потому что если и явится впоследствии кто-нибудь съ требованіемъ платежа и предъявить утраченную прежде кредитную бумагу, не объявленную уже мертвою, то она не будетъ принята въ расчетъ, потому что она умерщвлена. Идея, которая лежитъ въ учрежденіи амортизаціи, ведетъ къ другому выводу, что *vindicatio* по отношенію къ кредитнымъ бумагамъ не допускается, то есть никто не имѣетъ права, разъ утративши, отыскивать ту или другую кредитную бумагу, за исключеніемъ только того случая, когда кредитная бумага украдена; тогда по отношенію къ вору допускается *vindicatio*. Короче, отыскиваніе въ видѣ *vindicatio*, по отношенію къ кредитнымъ бумагамъ, если и возможно, то только отъ недобросовѣстнаго владѣльца, отъ лица, какимъ-нибудь преступнымъ актомъ добывшаго кредитную бумагу изъ владѣнія того лица, у котораго она находилась; на это наводятъ ст. 564, 643, 644 XI т. У. Т. Пріобрѣтая вексель, напримѣръ, путемъ передаточной надписи, я становлюсь кредиторомъ по нему, каково бы ни было къ этому векселю отношеніе моего передатчика; быть можетъ, послѣдній укралъ, подѣлалъ передаточную надпись за другого и т. д.

Такимъ образомъ, говоря о кредитныхъ бумагахъ, мы имѣемъ дѣло съ долговымъ правомъ, только воплощеннымъ въ письменный актъ, и что мы имѣемъ дѣло съ долгомъ, а не съ наличностью, это какъ выводъ слѣдуетъ между прочимъ и изъ того обстоятельства, что, въ случаѣ описи для взысканія, съ кредитными бумагами поступаютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ съ наличными деньгами; судебный приставъ, производя опись имущества, если найдетъ въ массѣ этого имущества кредитныя бумаги такого или иного рода, не можетъ взять ихъ прямо и передать для удовлетворенія взыскателя, онъ долженъ поступить съ ними иначе, чѣмъ съ деньгами, а именно — долженъ отправить ихъ на биржу.

Если въ природѣ бумажныхъ денегъ нѣтъ препятствій къ тому, чтобы выпускать ихъ могъ всякій, если такая невозможность выпускать бумажныя деньги вытекаетъ не изъ природы, а изъ регламента правительства, то тѣмъ болѣе нѣтъ такой помѣхи тому, чтобы кредитную бумагу могъ выпускать всякій; по отношенію къ кредитнымъ бумагамъ не существуетъ тѣхъ финансовыхъ резовъ, которые ограничиваютъ право такого или другого лица выпускать бумажныя деньги; здѣсь такого запрещенія нѣтъ, а потому, говоря вообще, выдавать кредитныя бумаги можетъ всякій, «кому не запрещено вступать въ обязательства». Остаются подѣ сомнѣніемъ развѣ бумаги на предъявителя, но здѣсь не мѣсто описывать данныя для разрѣшенія этого сомнѣнія такъ или иначе.

§ 19. Чтобы яснѣе стали общія различительныя черты, которыми отличаются бумажныя деньги отъ кредитныхъ бумагъ, не мѣшаетъ познакомиться хотя съ немногими видами послѣднихъ; конечно, всѣхъ ихъ исчислить невозможно, а потому укажемъ только на нѣкоторые изъ тѣхъ, которыя болѣе другихъ знакомы каждому. Во 1-хъ, *вексель*, который мы, теоретики, не можемъ ни въ какомъ случаѣ смѣшивать съ заемнымъ пись-

момъ, какъ это дѣлала и дѣлаетъ судебная практика; мы держимъ его особнякомъ, потому что онъ представляетъ для насъ особыя черты, будетъ ли вексель простой или переводный, пока здѣсь для насъ все равно, хотя только переводный, *tratta*, *de facto* имѣетъ наибольшій коммерческій интересъ, служить торговымъ дѣламъ. Юридическая разница между простымъ и переводнымъ векселемъ заключается въ томъ, что въ простомъ векселе выдающій его, то есть должникъ, во всякомъ случаѣ будетъ и плательщикомъ по немъ; сколько бы рукъ ни прошло въ векселе, все-таки онъ придетъ и долженъ придти къ лицу, выдавшему его, за платежомъ; напротивъ того, по переводному векселю плательщикомъ можетъ стать и другое лицо, не самъ выдавшій, а тотъ, на кого выданъ былъ сначала вексель, на кого въ векселе указано, какъ на лицо, у котораго нужно получить платежъ. Это другое лицо не только *можетъ* стать, но и *должно* стать плательщикомъ, если приметъ обязательство уплатить по этому векселю; его согласіе на это выражается обыкновенно въ весьма краткомъ юридическомъ дѣйствіи, состоящемъ въ томъ, что на вексель имъ дѣлается надпись: «принимаю, акцентую». Правда, и переводный вексель можетъ явиться къ выдавшему его съ требованіемъ платежа; это бываетъ тогда, когда вексель не былъ оплоченъ тѣмъ лицомъ, на кого онъ выданъ; первоначальный должникъ въ такомъ случаѣ долженъ отвѣчать, но только здѣсь отвѣтственность должника будетъ нѣсколько иная, чѣмъ обыкновенно, именно — она осложняется вѣдѣствіемъ того, что вексель не уплаченъ; нашъ должникъ оказывается неисправнымъ и за эту неисправность, въ порядкѣ обратнаго требованія, регресса, онъ будетъ отвѣчать не только на первоначальную сумму, которая обозначена на векселе, но еще съ прибавкою, покрывающею издержки, какія понесло то лицо, въ рукахъ котораго находился вексель, отъ неполученія платежа тамъ и тогда, гдѣ и когда платежъ долженъ былъ

быть произведенъ. Векселя, по нашему уставу, могутъ быть только именныя; нашъ законъ запрещаетъ выдавать векселя на предъявителя, потому что въ такомъ случаѣ онѣ могли бы куррировать съ бумажными деньгами, такъ-какъ вексель на предъявителя можетъ постоянно переходить изъ рукъ въ руки, не оставляя слѣда на спинкѣ. Каковы другія особенности векселя, здѣсь нѣтъ надобности и мѣста объ нихъ распространяться; скажемъ только, что нѣтъ никакой возможности заготовить вексель въ обыкновенный видъ заемнаго письма, какъ это дѣлаетъ не только русскій, но и другіе вексельные законы (за исключеніемъ англійскаго), запрещающіе векселя на предъявителя. Надъ этимъ запрещеніемъ вексель сѣдется; являясь именнымъ, онъ тотчасъ-же сбрасываетъ съ себя обузу — именной характеръ, чрезъ бланковую надпись становится бумагой на предъявителя. Подобное запрещеніе — одинъ изъ случаевъ, гдѣ можно наблюдать, какъ иногда законодательная норма держится изъ-за привычки, рутины, изъ-за суевѣрнаго страха предъ ея отменою. Одна статья устава запрещаетъ (ст. 541 § 5 т. XI Уст. Т.) вексель на предъявителя, а другая разрѣшаетъ бланковую надпись (561, *ibidem*). Далѣе, мы сказали, что *indicatio* векселя не имѣетъ мѣста, кромѣ какъ по отношенію къ тому, кто добылъ вексель путемъ воровства, мошенничества. Но за-тѣмъ вексель свободенъ, онъ движется, и всякій по немъ можетъ стать кредиторомъ, можетъ приобрести его, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы этотъ переходъ совершался по правильнымъ надписямъ; значитъ, платежъ можетъ и долженъ быть произведенъ только тому, у кого есть средство легитимировать себя кредиторомъ предъ должникомъ, то есть тому, къ кому вексель дошелъ путемъ *правильныхъ* надписей (ст. 564, 624, 643, 644 Уст. о векс.). Это понятіе правильности надписей не значитъ, что приобретение векселя происходило дѣйствительно только по передачѣ отъ дѣйствительнаго кредитора; это не

значить также, что подписи подлинны; здѣсь можетъ быть и подлогъ, вексель можетъ быть украденъ, надпись могла быть сдѣлана подложно; тѣмъ не менѣе надпись можетъ оставаться правильною; это не значитъ, далѣе, что стать кредиторомъ по векселю можно не иначе, какъ постоянно справляясь о томъ, какъ и гдѣ лицо, передающее вексель, достало его, не стало ли оно его, не украло ли; справляться такимъ образомъ нѣтъ никакой надобности. Понятіе правильной надписи, которая даетъ полное право стать кредиторомъ тому, къ кому дошелъ вексель по надписи, это понятіе означаетъ не что иное, какъ только непрерывность надписей, то есть, если возьмемъ примѣръ, что вексель выданъ лицомъ *M* лицу *A*, значитъ, платежъ долженъ быть произведенъ лицу *A*, но отъ лица *A* вексель переходитъ къ лицу *B*, отъ *B* къ *C* и т. д., наконецъ, онъ оказывается у лица *E*; это послѣднее считается полнымъ кредиторомъ по этому векселю въ такомъ только случаѣ, если на спинкѣ векселя передаточныя надписи связаны непрерывно, то есть каждая надпись, стоящая ниже, относится къ предыдущей такимъ образомъ, что она *кажется* подписанною тѣмъ лицомъ, на имя котораго сдѣлана надпись предыдущая. Если существуетъ непрерывный рядъ надписей, если эта непрерывная цѣпь нигдѣ не порвана и какъ-разъ спускается до меня, въ такомъ случаѣ только я имѣю право получить платежъ по этому векселю, хотя очень можетъ быть, что эта цѣпь получила нутемъ подлога, на примѣръ у лица *A* вексель могъ быть украденъ и воръ поддѣлалъ передаточную надпись лицу *B*, все-таки отъ этого не теряется *зрительная правильность надписей*, *B* все-таки будетъ кредиторъ. Эта правильность, какъ *непрерывность* надписей, есть понятіе графическое; она можетъ быть по этому вполне переведена на чертежъ. Для должника кредиторъ — тотъ, кому онъ, должникъ, не только обязанъ, но и *можетъ* платить эффективно, то есть

освобождая себя от долга, а это будет тогда, если являющееся къ должнику лицо легитимирует себя въ качествѣ кредитора указанными въ законѣ признаками. Должникъ, если хочетъ платежѣмъ освободить себя отъ долга, обязанъ повѣрить легитимацию предъявителя, являющагося въ качествѣ кредитора, то есть повѣрить наличность упомянутыхъ признаковъ. Для векселя такой признакъ—зрительная «правильность», то есть непрерывность индоссаментовъ. Для бумагъ же на предъявителя такая обязанность повѣрки легитимации отпадаетъ для должника, для него — *кредиторъ, съ кѣмъ явится бумага*.

§ 20. Къ числу часто встрѣчающихся кредитныхъ бумагъ относятся билеты депозитные, которые также могутъ быть именныя и безыменные, сюда относятся также закладные листы банковъ, облигации компаній, разнообразныя виды кредитныхъ бумагъ, которыхъ перечислять всѣ — нѣтъ ни надобности, ни возможности. Теперь скажемъ еще объ одной кредитной бумагѣ, которая особенно въ настоящее время, съ развитіемъ банковаго дѣла, играетъ немалую роль и не рѣдко служитъ орудіемъ расчета, это именно *о чекъ*. Выдача чека (то есть то обстоятельство, что одно лицо выдаетъ чекъ другому) указываетъ на то, что между лицомъ выдающимъ и тѣмъ, на кого онъ выданъ (по большей части этимъ послѣднимъ является банкъ, хотя можетъ открыть текущій счетъ и всякое частное лицо, напримѣръ банкиръ, но мы будемъ предполагать здѣсь только банкъ), существуетъ особенное юридическое отношеніе, называемое *текущимъ счетомъ*, — отношеніе, которое прежде всего представляется договорнымъ. Этотъ текущій счетъ можетъ быть и долженъ быть *фундированъ*, то есть покрытъ, для того, кто его открылъ, покрытъ или ге,—это тогда, когда лицо, получившее книжку чековъ — или сдѣлало въ банкъ вкладъ наличностью,—или по другому поводу имѣетъ въ банкѣ активъ, напримѣръ имѣетъ расчеты съ банкомъ по такимъ или инымъ

операциямъ, оба, положимъ, находятся въ отношеніяхъ комиссіонерскихъ, такъ-что изъ-за этихъ отношеній у лица въ банкѣ всегда есть активъ. Но точно такъ-же текущій счетъ можетъ быть покрытъ *consensu*, то есть банкъ открываетъ счетъ данному лицу *въ кредитъ*. За-тѣмъ, не будемъ распространяться о томъ, каковы дальнѣйшіе элементы этого договорнаго отношенія, но обратимся къ тому-же чеку и укажемъ его нѣкоторыя интересныя черты. Чекъ *выдается*, то есть намѣчается въ бланкѣ сумма денегъ, за-тѣмъ дѣлается подпись именно лица, выдающаго чекъ; этимъ придается подлинность пометки суммы, обозначенной въ текстѣ чека. Какъ передъ этимъ открытіе текущаго счета и выдача книжки чековъ, такъ теперь выдача чека, пометка имени выдающаго и удостовѣреніе подлинности,—все это дѣйствія юридическія, связанныя между собою, имѣющія каждое опредѣленное содержаніе. Такъ и въ частности, выдача чека есть также юридическое дѣйствіе, особаго рода распоряженіе,—изъ послѣдняго и вытекають характеристическія черты чека. Чекъ прежде всего есть кредитная бумага на предъявителя. Смыслъ, содержаніе, составляющее текстъ чека, какъ кредитной бумаги, заключается во 1) въ томъ, что банку *поручается* произвести платежъ, и слѣдовательно во 2) произведя сказанный платежъ, исполнивши порученіе, банкъ имѣетъ право поставить такой платежъ въ счетъ выдавшему чекъ, въ его пассивъ, чему отвѣтитъ занесеніе уплаченной суммы въ активъ банка, — словомъ, банкъ, оплативши чекъ, долженъ будетъ произвести соотвѣтственную перемѣну въ балансѣ текущаго счета, измѣнявъ отношеніе актива и пассива для себя и для кліента. Держа открытымъ счетъ для своего кліента, банкъ состоитъ въ договорномъ отношеніи только съ тѣмъ, кто у него имѣетъ текущій счетъ, а потому предъ предъявителемъ чека банкъ въ всякихъ обязательствахъ, потому, не уплативъ по чеку, не исполнивъ данного ему пору-

ченія, банкъ, можетъ быть, будетъ отвѣчать, но опять таки только передъ своимъ кліентомъ. «Быть можетъ»,—банкъ непремѣнно будетъ отвѣчать за неисполненіе порученія въ томъ случаѣ, если отъ этого неисполненія кліентъ понесетъ убытокъ, заплатитъ, положимъ, неустойку; напримѣръ, въ томъ случаѣ, если между лицомъ, выдавшимъ чекъ, и тѣмъ, кому онъ выданъ, было особенное отношеніе, по которому первый обязанъ былъ въ извѣстный срокъ заплатить второму извѣстную сумму денегъ и, въ случаѣ неисполненія этого обязательства, долженъ заплатить неустойку; наступаетъ срокъ, должникъ, не имѣя денегъ, даетъ кредитору чекъ на должную имъ сумму; но банкъ не далъ по этому чеку денегъ, хотя и имѣлъ покрытый счетъ, конечно кліентъ понесетъ черезъ это убытки, онъ заплатитъ неустойку, и вотъ въ подобныхъ случаяхъ банкъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за причиненіе своему кліенту убытковъ. Таково отношеніе, которое изъ-за выданнаго чека завязывается между выдавшимъ чекъ и банкомъ. Что касается до отношенія между выдающимъ чекъ и принимающимъ его, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно выдача чека однимъ лицомъ другому не есть платежъ, это есть только попытка платежа, это только покушеніе и притомъ такое, которое можетъ оказаться съ негодными средствами, потому что если, напримѣръ, кліентъ имѣетъ книжку чековъ, это еще не значитъ, будто банкъ обязанъ производить оплату всѣхъ выдаваемыхъ на него чековъ,—счетъ былъ покрытъ, но активъ кліента въ настоящую минуту оказывается исчерпанъ; счетъ былъ въ кредитъ, но кліентъ потерялъ довѣріе банка—и въ томъ и въ другомъ случаѣ банкъ виѣ какихъ бы то ни было обязанностей передъ своимъ кліентомъ. Значитъ, *выдача чека есть только попытка платежа*. И только въ томъ случаѣ, если между лицомъ, выдавшимъ чекъ, и лицомъ, получившимъ его, было специальное соглашеніе тако-

го рода, что съ выдачею чека долгъ долженъ считаться оплаченнымъ, можно придать выдачѣ чека значеніе чисто погасительное. *За-тѣмъ* принимающій чекъ получаетъ отъ выдающаго его *указаніе*, гдѣ долженъ быть взять платежъ, въ какой кассѣ, ему указывается и виѣтъ съ тѣмъ *поручается* взять платежъ изъ указаннаго банка. Слѣдовательно, если лицо, взявшее чекъ, не найдетъ платежа тамъ, гдѣ ему было указано, не найдетъ или потому, что счетъ къ этому времени закрылся, или потому, что банкъ обанкротился, въ такомъ случаѣ, значитъ, *указаніе* не состоялось, а съ нимъ не состоялось и чекъ; что-же, слѣдовательно, все возвратится въ первобытное положеніе? Да, то есть точнѣе, все остается по прежнему: если чекъ выданъ должникомъ кредитору, то выдача его еще не погасила долга, это была только попытка; если чекъ выдавался однимъ лицомъ другому съ цѣлью сдѣлать его должникомъ (напримѣръ когда одинъ проситъ у другого въ займы денегъ, но послѣдній не имѣетъ наличныхъ денегъ, въ такомъ случаѣ онъ просто выдаетъ ему чекъ), но банкъ не выдалъ по чеку денегъ вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ; опять и въ такомъ случаѣ все приходитъ въ прежнее положеніе, то есть не будетъ существовать долга, не будетъ ни кредитора, ни должника. Конечно мы не имѣемъ здѣсь въ виду такого случая, когда кредиторъ будетъ на-столько неблагоразуменъ, что, получивши отъ должника чекъ, тотчасъ-же постарается уничтожить доказательство долга и броситъ въ огонь заемное письмо, тогда, конечно, должникъ можетъ воспользоваться этимъ и долгъ можетъ лопнуть (хотя-бы въ сущности кредиторъ и не получилъ по чеку ничего), потому что кредиторъ не могъ бы доказать существованія долга. Но глупые случаи насъ не занимаютъ, благоразумный кредиторъ, получивши чекъ, не перестанетъ быть кредиторомъ. Порученіе лица, имѣющаго въ банкѣ текущій счетъ, должно быть исполнено или въ самый

день выдачи чека, или въ ближайшій къ нему промежутокъ времени, опредѣленный обыкновенно въ уставѣ банка; но если лицо, получившее чекъ, по небрежности или забывчивости, не предъявить его въ банкъ въ теченіи извѣстнаго времени и затѣмъ, вслѣдствіе такой запоздалости, небрежности, платежъ по чеку станетъ невозможнымъ, не по винѣ выдавшаго чекъ, а на примѣръ, потому, что банкъ обанкротился, тогда, очевидно, отвѣтственность за такую небрежность, за такое упущеніе, по общимъ правиламъ, ложится на лицо, получившее чекъ; на примѣръ, если банкъ обанкротился, ясное дѣло, что здѣсь чекъ не можетъ быть реализованъ, онъ пропалъ, потому что запоздалъ, потому что лицо, взявшее чекъ, не предъявило его во-время; здѣсь, очевидно, лицо, выдавшее чекъ, не несетъ убытковъ, да и не должно ихъ нести, и если-бы получившій чекъ, не получившій по немъ платежа, вздумалъ требовать по чеку уплаты, — отвѣтъ простой: ваша вина; а то иначе — встречнымъ искомъ требовать съ него убытковъ, сумма которыхъ будетъ какъ-разъ равна суммѣ чека. Но возьмемъ другой примѣръ: открытый счетъ извѣстнаго лица арестованъ для взыскапія по претензіи другихъ кредиторовъ; если лицо, взявшее чекъ еще до арестованія открытаго счета, не предъявило его во-время, запоздало и затѣмъ на открытый счетъ уже наложенъ былъ арестъ, въ такомъ случаѣ не смотря на то, что получившій чекъ опоздалъ предъявить его, не смотря на то, что, будь этотъ-же чекъ предъявленъ во-время, еще до ареста, по немъ состоялся бы платежъ и такимъ образомъ извѣстная сумма денегъ была бы изъята отъ необходимости идти на удовлетвореніе другихъ кредиторовъ, — не смотря на все это, лицо, имѣвшее чекъ и прозвѣвавшее по немъ уплату, не причинило выдавшему чекъ никакихъ убытковъ, — вѣдь арестованный текущій счетъ, то есть активъ, пойдеть на удовлетвореніе другихъ кредиторовъ. И такъ, выдача чека не есть еще платежъ,

она не погашаетъ долговаго обязательства, не устанавливаетъ сама собой такового, она производитъ юридическій эффектъ, дѣйствіе, только подъ условіемъ, если чекъ будетъ реализованъ.

Два слова о послѣдней категоріи кредитныхъ бумагъ: это — кредитныя бумаги, выдаваемые правительствомъ. Коренная разница между бумагами этой категоріи въ томъ, что однимъ бумагамъ правительства можетъ сопутствовать охрана искомъ, для другихъ же такого спутника нѣтъ; правда, съ понятіемъ кредитной бумаги связана и охрана искомъ; она всегда и есть для бумагъ не правительственныхъ, но для государственныхъ можетъ быть устранена, и такая возможность для правительства создавать долги, не охраняемые судебною властью, не представляетъ ничего страннаго; государство есть должникъ самый надежный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый опасный, потому что въ рукахъ его находится власть объявить долгъ даже не существующимъ, а не просто только лишеннымъ судебной охраны.

Р. S. Продолжать дальше — значило бы выйти за предѣлы той цѣли, какая намѣчена нашему изложенію, эта цѣль — характеризовать юридическую природу денегъ, взявши въ разсчетъ и ихъ, такъ сказать, техническія свойства. Чтобъ рѣзче выдвинуть всю разницу между деньгами и разными «суррогатами», намъ пришлось не то затронуть, а скорѣй напомнить юридическую природу послѣднихъ; а сказанная разница, по нашему глубокому убѣжденію, останется навсегда, каковы бы ни были матеріалъ, на которомъ пишутся одни, изъ котораго дѣлаются другія, каковы бы ни были техническія свойства денегъ. Мы поставили и рассмотрѣли нашъ вопросъ такъ, какъ онъ долженъ былъ бы быть рассмотрѣнъ, будь онъ взятъ предметомъ не отдѣльной монографіи, а развѣ отдѣльной рубрики

въ общей части системы гражданского права. Этимъ объясняется съ одной стороны то, что изъ нашего изложенія по возможности были устранены все детали, какія могли бы быть собраны, еслибѣ сопоставить вмѣсто все разнообразныя приложения денегъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ гражданского права; оставлена въ сторонѣ даже такая особенность какъ проценты, или заграничный курсъ и его колебанія. Съ другой стороны, тѣмъ-же самымъ обстоятельствомъ объясняется и то, что многое въ нашемъ изложеніи предположено за известное, какъ-бы установленное въ одной изъ предыдущихъ или послѣдующихъ рубрикъ. Вотъ между прочимъ двѣ причины, почему многое здѣсь можетъ показаться только задѣтымъ, но недосказаннымъ, а иногда даже совсѣмъ упущеннымъ изъ виду. Наконецъ, нечего и оговариваться на-счетъ того, что авторъ былъ далекъ отъ претензіи сказать «последнее слово науки», онъ держится убѣжденія, что такое слово и не желательно, — оно будетъ сказано развѣ тогда, когда въ послѣдній разъ раздастся вообще человѣческое слово и съ нимъ въ послѣдній разъ скажется человѣческая мысль. *Послѣднія слова* говорятся умирающими.